

Санкт-Петербургский государственный университет

Бутакова Анна Михайловна

**Семантическая структура прилагательного happy
и его производных в текстах разных типов**

Выпускная квалификационная работа

направление подготовки 035700 «Лингвистика»
образовательная программа «Иностранные языки»
профиль «Английский язык»

Научный руководитель: к.ф.н., доц.
С. В. Кудря

Рецензент: д.ф.н., доц., проф.
И. В. Толочин

Санкт-Петербург

2017

Оглавление

Generating Table of Contents for Word Import ...

Введение

Настоящая работа посвящена анализу семантической структуры прилагательного *happy* и его производных, а также тем особенностям, которые возникают в семантике данных лексических единиц при их функционировании в текстах разных типов.

Объектом исследования является семантическая структура имени прилагательного, которая рассматривается в рамках теории функциональной семиотики.

Предметом исследования являются семантические особенности прилагательного *happy* и его производных, которые проявляются в текстах разных типов.

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы описать семантическую структуру прилагательного *happy* и его производных с учетом тех особенностей, которые проявляются при функционировании данных лексических единиц в текстах разных типов.

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Изучить различные подходы к описанию семантической структуры имени прилагательного.
2. Уточнить теоретическую базу для выявления особенностей функционирования лексических единиц в текстах разных типов.
3. Рассмотреть словарные дефиниции прилагательного *happy* в англоязычных толковых словарях.
4. Отобрать и проанализировать контексты употребления прилагательного *happy* и его производных в текстах разных типов.
5. На основании проведенного анализа описать структуру значения прилагательного *happy* и выявить особенности функционирования данного слова и его производных в текстах разных типов.

При решении поставленных задач применялись следующие основные **методы**: метод анализа словарных дефиниций, метод лингвистического описания, метод сравнительного семантико-контекстологического анализа.

Материалом исследования являются словарные статьи англоязычных толковых словарей; контексты употребления анализируемых лексических единиц, взятые из Британского национального корпуса (BNC) и других интернет-источников: научные статьи, официальные документы, опросники. Примеры из лингвистического корпуса BNC собраны методом сплошной выборки и насчитывают более 350 единиц.

Теоретической основой исследования послужили работы по семантике (И.В. Толочин, Е.А. Лукьянова), институциональной коммуникации (В.И. Карасик, С.В. Кудря), терминологии (А.В. Суперанская, С.Е. Никитина, О.А. Зяблова, В.Ф. Новодранова).

Актуальность выбранной темы обусловлена возобновившимся интересом к изучению словесного значения в целом и полисемии – в частности, что связано с появлением новых методов описания этих явлений. В настоящем исследовании при анализе семантической структуры прилагательного *happy* и его производных был использован современный подход, разрабатываемый в рамках теории функциональной семиотики. Тема исследования актуальна также в связи с тем, что сегодня прилагательное *happy* и его производные широко используются в сфере научного дискурса, что приводит к появлению у них терминологических черт. В частности это относится к существительному *happiness*, которое используется для обозначения объекта исследований в области психологии, управления, экономики и других гуманитарных дисциплин. Следовательно, анализ семантической структуры слов *happy* и *happiness* позволит определить, какие именно признаки, описываемые англоязычной лингвокультурой с помощью знака *happy*, переносятся из сферы повседневного общения в сферу научного дискурса и переосмысливаются там как отдельный объект исследований.

Теоретическая значимость исследования обусловлена тем, что в нем показаны возможности функционально-семиотического подхода к описанию структуры словесного значения при анализе однокоренных слов разной частеречной принадлежности в разных типах текста.

Практическая значимость исследования определяется тем, что полученные результаты могут быть использованы в ходе практических занятий по лексикологии и лингвокультурологии, при переводе специализированных текстов с английского языка в различных научно-практических сферах.

Объем и структура работы. Настоящее исследование общим объемом 83 страниц печатного текста состоит из введения, двух глав, четырех приложений, заключения. В теоретической главе, рассматриваются вопросы, связанные с описанием семантической структуры прилагательного, а также вопросы, связанные с анализом лексики в разных типах текста; приводится обзор современных исследований, посвященных слову *happy* и его производным. В практической главе рассматриваются словарные статьи для прилагательного *happy* и анализируется семантическая структура слова *happy* и его производных при их функционировании в разных типах текста. Обе главы сопровождаются выводами. К работе прилагаются список литературы, список словарей и ссылки на источники примеров.

Глава 1. Теоретические положения о семантической структуре слова в текстах разных типов

1.1. Структура словесного значения имени прилагательного как объект лексикологического исследования

1.1.1. Денотативно-референциальный подход к описанию структуры словесного значения

Описание структуры словесного значения занимает центральное положение в лексикологии и имеет давнюю исследовательскую традицию, которая получила свое дальнейшее развитие в виде новых подходов к изучению данного вопроса, учитывающих последние достижения не только лингвистики, но и ряда других научных дисциплин.

Поскольку важной составляющей нашего исследования является критический обзор словарных дефиниций, методология конструирования которых основана на денотативной (референциальной) теории значения, рассмотрим способ описания словесного значения в рамках данной теории.

Денотативно-референциального подхода к значению слова придерживались многие отечественные и зарубежные исследователи: Р. О. Якобсон, Ю. С. Маслов, Ю. Д. Апресян, И. Я. Мельчук, Дж. Лайонз, Ч. Огден, А. Ричардс и др. Согласно данной теории, слово представляет собой форму существования понятия, которое возникает как обобщенное отражение объективной действительности. Наглядно такая взаимосвязь слова и понятия представлена в виде так называемого семантического треугольника, вершины которого соответствуют звуковой форме слова, понятию и объекту материального мира (т.е. денотату или референту) (Ogden, Richards 1989: 10). Значение слова рассматривается как отражение в человеческом сознании некоторых свойств объекта материального мира, находящегося за пределами человеческого сознания и не зависящего от языкового пространства.

В этом же направлении работала И. В. Арнольд: в своих научных трудах она описала и дополнила основные положения денотативной теории (в терминах И. В. Арнольд – «теории отражения»), основываясь на материале

английского языка. Как отмечает И. В. Арнольд, определение «лексическое значение слова – это отражение в слове того или иного понятия» является лишь приблизительным и не раскрывает сложной взаимосвязи между значением слова и понятием. Так, например, в значении слова отражаются не все возможные признаки понятия, но только необходимые и достаточные для распознавания денотата, причем выбор таких признаков зависит от «объективных свойств» самого денотата (Арнольд 2014 [3]: 32-34), (Арнольд 2014 [5]: 114).

Сторонники денотативной теории значения исходят из того, что понятие фиксирует объективные свойства действительности, следовательно, оно определяется как категория логическая, универсальная. В свою очередь значение слова определяется как категория лингвистическая и национально специфическая, поскольку, согласно И. В. Арнольд, значение может не только отражать объективную действительность, но и выражать отношение к ней. Такое отношение к денотату называется «эмоциональной окраской слова» (Арнольд 2014 [3]: 52). Эмоциональная окраска является частью коннотации, в которую также входят экспрессивный, оценочный и стилистический элементы. В рамках денотативной теории все эти компоненты считаются факультативными и мыслятся отдельно от основного компонента значения – понятийного ядра (Арнольд 2014 [4]: 6-7).

Само понятийное ядро рассматривается как особая семная структура, где под семой понимается составляющая лексического значения, которая отражает «распознаваемые данным языком признаки номинируемых объектов» (Арнольд 2014 [5]: 115). Как отмечалось выше, в качестве категории логической понятие не имеет национальной специфики, т.е. является общим для разных лингвокультур. Очевидно, данное утверждение должно быть справедливо и в отношении понятийного ядра, которое представляет собой совокупность отдельных признаков понятия, зависящих от объективных свойств денотата (Арнольд 2014 [3]: 52). Тем не менее,

предложенное И. В. Арнольд определение семы предполагает, что выбор этих признаков все же обусловлен спецификой конкретной лингвокультуры.

Противоречия, возникающие в результате разграничения основных (семы) и факультативных (коннотации) элементов словесного значения, замечали сами исследователи, работавшие в рамках денотативного подхода. Так, по мнению Ю. Д. Апресяна, современная семантика учитывает тот факт, что (лексическое) значение слова представляет собой не научное, а «наивное» понятие, «иногда отягощенное смысловыми и эмоциональными ассоциациями, не соответствующими каким-либо существенным признакам» предмета или явления, обозначаемого словом (Апресян 1995: 7). Очевидно, что автор делает данное замечание с точки зрения денотативной теории, которая позволяет ему назвать «объективные» элементы значения слова – «существенными», тогда как элементы, не отражающие объективную действительность, оказываются «несущественными». Получается, что «наивные» носители языка пользуются языковыми знаками, в значении которых зафиксированы некоторые «несущественные» признаки окружающего их мира. Видимо, поэтому в словарях все равно наблюдаются тенденция к описанию слов как атомарных единиц, значение которых зависит от объективных свойств действительности. Примечательно, что еще Л. В. Щерба обращал внимание на то, что «общему языку» не стоит приписывать не свойственные ему понятия, которые «не являются какими-либо факторами в процессе речевого общения» (Щерба 1940: 68).

В своих работах И. В. Арнольд придерживается следующей схемы семного состава понятийного ядра: «классема», «тематическая сема» («архисема», «маркер») и «дифференциальные (дистинктивные) семы». Классема указывает на категориальную принадлежность слова. Тематическая сема указывает на то, к какой сфере действительности, к какому кругу ситуаций принадлежит денотат. Дифференциальные семы указывают на отличительные признаки денотата (Арнольд 2014 [5]: 115).

Отметим, что составной частью классемы является также сема части речи. Иными словами, частеречная принадлежность слова также отражена в значении слова: лексическое значение слова связывается с определенными грамматическими значениями, которые свойственны данной части речи и которые могут влиять на лексическое значение, поэтому каждая часть речи имеет свои семантические особенности (Арнольд 2014 [3]: 57).

Таким образом, в денотативной теории принято разделять лексическое и грамматическое значения слова, хотя они и существуют в неразрывной связи друг с другом. Грамматическое значение выражается грамматическими формами данного слова в соответствии с грамматическими свойствами той части речи, к которой это слово относится. Лексическое значение представляет собой реализацию понятия языковыми средствами, которая сопровождается сопутствующими представлениями, а также «эмоциональной и стилистической окраской слова». При этом лексическое значение каждого слова представляет собой конкретное проявление лексико-грамматического значения соответствующей части речи, которое является общим для всех слов, принадлежащих к данной части речи. Так общим лексико-грамматическим значением имен прилагательных является обозначение признаков предметов (Арнольд 2014 [3]: 51-55).

Примечательно, что при денотативном подходе более подробно структура значения прилагательного в теоретическом плане не рассматривается. Это вызывает некоторые методологические затруднения, поскольку сложно определить, какие именно признаки денотата входят в понятийное ядро значения слова, которое само по себе обозначает признак предмета (т.е. фактически требуется выявить признаки признаков).

Наконец, согласно денотативной теории значения, слово обладает способностью семантического варьирования, которая опирается на неодинаковость грамматической и лексической валентности его элементов. Эти элементы называются **лексико-семантическими вариантами (ЛСВ)** слова, а само явление – **полисемией (многозначностью)**. ЛСВ определяется

как «двусторонний языковой знак, который является единством звучания и значения, сохраняя неизменность лексического значения в пределах присущих ему синтаксических связей и парадигм» (Арнольд 2014 [4]: 6).

При общении многозначность не мешает людям понимать друг друга. Согласно денотативной теории, это объясняется тем, что контекст («словесное окружение, в котором употребляется слово») каждый раз снимает полисемию и придает слову точное значение. Следовательно, значение многозначного слова зависит от контекста (Арнольд 2014 [3]: 59).

В рамках денотативной теории у многозначного слова, как правило, выделяется «семантический центр» – центральное (прямое) значение, от которого образовалось каждое из остальных значений на основе ассоциаций по сходству или смежности (переносные метафорические и переносные метонимические значения соответственно) (Арнольд 2014 [3]: 62-63). Таким образом, все ЛСВ слова связаны отношениями семантической производности и образуют **иерархическую** структуру слова: один из ЛСВ в этой структуре занимает центральное положение, остальные ЛСВ являются переносными.

Вышеперечисленные принципы денотативной теории легли в основу не только толкования слов (т.е. традиционного лексикографического описания слов на естественном языке, используемого в словарях), но и другого способа семантического описания, при котором значение слова раскладывается на отдельные семантические компоненты (семы). Данный подход восходит к структурной лингвистике, в частности – к идеям Р. О. Якобсона и Л. Ельмслева, однако наиболее последовательно он был разработан в рамках компонентного анализа, который развивали такие лингвисты, как Дж. Лайонз, А. Греймас, Ю. Найда, Дж. Катц, Дж. Фодор, П.М. Постал (Кронгауз 2005: 107-108).

Компонентный анализ позволяет довольно полно описать значение слова и является эффективным методом решения определенных исследовательских задач. Тем не менее, разложение смысла на более простые составляющие без выявления какой-либо связующей их основы,

разграничение понятийного ядра и коннотаций, а также представление о том, что выбор сем определяется лишь объективными свойствами действительности, относятся, на наш взгляд, к недостаткам данного подхода и денотативной теории в целом. В результате такого описания практически никогда не удастся увидеть целостное словесное значение, особенно при описании слов некоторых частей речи (например, прилагательных), слов, обозначающих психоэмоциональные состояния, и полисемантических слов – все это характеризует исследуемый нами словесный знак *happy*. Поэтому в рамках настоящего исследования мы будем применять иной подход к описанию структуры значения слова.

1.1.2. Когнитивно-семантический и корпусный подходы к описанию структуры словесного значения

В рамках денотативной теории значения были заложены основы моделирования различных семантических процессов. Вместе с тем развитие ряда научных направлений, а также усиливающаяся тенденция к методологической междисциплинарности привели к появлению качественно иных форм семантического анализа. Начиная с 80-х годов XX века, активное развитие в лингвистике получило когнитивное направление, в рамках которого разрабатываются механизмы и способы моделирования концептуальных и семантических процессов. Важнейший вклад в развитие этого направления в России внесли такие ученые, как Н. Д. Арутюнова, Е. С. Кубрякова, Ю. С. Степанов, А. А. Кибрик, В. И. Заботкина, Т. В. Черниговская и др. (Заботкина 2015 [12]: 7).

Когнитивная лингвистика пользуется достаточно сложным инструментарием и интегрирует методы сразу нескольких научных дисциплин, поэтому мы остановимся на основных положениях данного направления.

Так, в отличие от денотативно-референциальной теории, в когнитивной лингвистике переосмысливается само отношение между языком и

действительностью: в языке человек не только объективно отображает мир, но и субъективно интерпретирует его. Как полагают Р. Келлер и Е. С. Кубрякова, язык является не зеркальным отражением мира, но отражением взаимоотношений человека с миром, результатом «когнитивного конструирования мира» (Заботкина 2015 [11]: 25-29).

Новым этапом развития когнитивной лингвистики стало появление когнитивно-дискурсивной парадигмы, основу которой в отечественной лингвистике заложили работы Е. С. Кубряковой. Согласно этой парадигме, языковой знак необходимо рассматривать в дискурсивном контексте, поскольку именно там реализуется значение слова (там же). Слово является не просто набором значений, представленных в строго фиксированной форме; напротив, значение слова «конструируется в дискурсе в режиме онлайн» под влиянием различных факторов, таких как прагматика коммуникативной ситуации, тип дискурса, точка зрения автора и т.д. При этом предполагается существование некоторых ментальных структур (концептов), которые становятся каркасом будущего конструируемого значения. Как отмечает Е. Е. Голубкова, на данный момент подобная точка зрения является не вполне доказанной и потенциально может приводить к девальвации значения, которое фактически приравнивается к понятию употребления (Голубкова 2015: 49-55).

Тем не менее, у данного подхода есть ряд преимуществ. В частности, он позволяет объяснить нетривиальные случаи употребления языковых единиц и нетипичные контекстуальные модели определенными дискурсивными условиями (там же). Более того, данный подход учитывает роль культурно-специфического компонента в формировании значения слова, что отчасти снимает противоречие, замеченное нами при рассмотрении денотативной теории.

Значения слов в когнитивно-дискурсивной парадигме представляют собой гибкие, подвижные образования, что соответствует самой природе языка (Боярская 2015: 82). Особенно наглядно такое представление о

словесном значении воплотилось в теории генеративного лексикона, разработанной Дж. Пустейовским: он разработал такой подход к представлению структуры слова, который позволил смоделировать переход, «перетекание, перераспределение концептуальной информации внутри структуры слова», а также подробнее изучить когнитивные механизмы формирования значений. При всех своих достоинствах его теория все же не избежала критики: З. И. Харитончик указывает на то, что данная модель не отражает оценочности и ассоциаций, связанных с объектом в данном языковом сообществе, и работает только для конкретной лексики (существительные и именные группы) (Боярская 2015: 87-91). В целом, когнитивно-семантический подход не предлагает отдельных теоретических положений относительно семантической структуры слов, относящихся к различным частям речи. Наоборот, стремление описать целостные концепты часто приводит к тому, что границы частеречной принадлежности уходят на задний план, как будет показано в разделе 1.3.

Когнитивная семантика занимается также проблемой полисемии, которую можно рассматривать с двух сторон. С одной стороны, исследователи стремятся изучить причины и пути возникновения новых значений многозначного слова. Например, согласно М. В. Никитину, количество значений полисемантического слова зависит от того, насколько подробно разработана в реальной человеческой деятельности и опыте соответствующая область. З. И. Харитончик и В. И. Заботкина уделяют особое внимание социальным и психологическим факторам и приходят к выводу о том, что в речи представителей различных социальных, профессиональных и культурных групп слово приобретает новое, отличное от уже существующего, содержание (Боярская 2015: 83). Это наблюдение очень существенно для нашей работы, поскольку оно подтверждает необходимость учитывать дискурсивную составляющую при анализе структуры словесного значения.

С другой стороны, очевидно, что значения многозначного слова должны находиться в отношении содержательной связности, иначе они распались бы на отдельные словесные знаки. Следовательно, необходимо представить структуру значения полисемантического слова таким образом, чтобы показать то общее, что есть между отдельными его значениями, и одновременно выделить то, что отличает данное значение от других. Этот вопрос был подробно рассмотрен Дж. Пустейовским, Б. Богураевым и А. Килгарриффом: механизм развития и формирования новых значений основывается на так называемой «процедуре наследования» (inheritance), которая состоит в передаче определенной концептуальной информации, заключенной в начальном значении слова, новому (производному) значению (Pustejovsky, Boguraev 1993: 193-223), (Kilgarriff 1995: 319-335). Таким образом, ЛСВ слова так же, как и в денотативной теории, находятся в **отношениях иерархии** (в диахронии), поскольку выделяется основное, первоначальное значение слова, а все остальные значения являются производными, зависящими от него. Тем не менее, такой подход к семантической структуре не дает четкого представления о той основе значения, которая, с одной стороны, отличает конкретное слово от других слов, а с другой – объединяет различные ЛСВ данного слова в единое целое на синхронном срезе языка.

Большинство когнитивных исследований проводится на материале корпусных данных, а многие семантические проблемы решаются с помощью нового метода – **корпусного анализа**. Под лингвистическим корпусом понимается представленный в электронном виде, унифицированный, структурированный, размеченный массив языковых данных, предназначенный для решения конкретных лингвистических задач, в том числе связанных с изучением семантики языковых единиц. К важным чертам лингвистического корпуса относятся репрезентативность текстов, возможность использования корпуса в качестве модели языка, наличие информации о ситуации произведения текста (Захаров, Богданова 2013: 5),

(Hyland, Chau et al 2013: 3-9). Примером лингвистического корпуса является Британский национальный корпус (BNC), к материалам которого мы обратимся в практической части настоящего исследования.

1.1.3. Функционально-семиотический подход к описанию структуры словесного значения

Качественно иной подход к описанию структуры словесного значения основывается на теории функциональной семиотики, разрабатываемой И. В. Толочиним. Функционально-семиотический подход предлагает системное и последовательное описание словесного значения, поскольку рассматривает его с учетом знаковой природы языка в целом.

Согласно данной теории, сущность знаковости в языковой системе заключается в способности человека классифицировать весь опыт контактов со своим окружением и закреплять этот опыт в виде «стабильных комплексов свойств» с помощью особого рода знаков – слов (Толочин, Лукьянова и др. 2014: 19).

Слово обладает целостным значением, возникающим в результате интегрирования свойств опыта, причем эти свойства представляют собой проецирование определенной потребности человека на внешнюю среду. Иначе говоря, закрепленные в значении слова свойства опыта «фиксируют функциональное отношение человека к внешней среде», следовательно, сам словесный знак всегда функционален (Толочин, Лукьянова и др. 2014: 7, 25).

Интегрированные таким образом свойства опыта, или **категории**, возникают в знаковой системе только тогда, когда сознание способно «отрывать свойства опыта от непосредственных стимулов, поступающих к человеку из внешней среды» и вместе с тем представлять эти свойства в виде гипотетических моделей опыта (Толочин, Лукьянова и др. 2014: 24). При этом **слово**, которое выражает устойчивый комплекс свойств опыта, является «минимальным компонентом ситуативной модели опыта». Вместе с тем роль слова в оформлении соответствующей модели опыта определяется тем

комплексом свойств, который закреплен в словесном значении и который предполагает отнесенность слова либо к сфере знаков-объектов, либо к сфере знаков-изменений (Толочин, Лукьянова и др. 2014: 24,82).

Таким образом, в теории функциональной семиотики слово является минимальным элементом гипотетической модели опыта, а его значение обладает целостной природой, поскольку в нем интегрированы определенные свойства опыта, зафиксированные в виде устойчивых комплексов. Поскольку словесный знак является частью языковой системы, которая основывается на гипотетической модели опыта, то в значении слова можно выделить два взаимосвязанных аспекта – интегральную и родовую категории. Под **интегральной категорией (ИК)** понимается комплексное психофизиологическое «переживание, представляющее какой-либо аспект потребностей». ИК вбирает в себя весь комплекс переживаний, обусловленных человеческими потребностями, и позволяет словам выступать в качестве образа этих переживаний. Отметим, что оценочность (которая в денотативной теории значения рассматривается отдельно) является, таким образом, характеристикой ИК. Под **родовой категорией (РК)** понимается «синтаксический аспект значения слова», который определяет место слова по отношению к другим словам в словесной последовательности. Именно существование РК позволяет распределять характеристики опыта между знаками в виде «синтаксически взаимообусловленных единиц» (Толочин, Лукьянова и др. 2014: 50-51; 68).

Иными словами, при интеграции свойств опыта в значении слова эти свойства опыта теряют связь с непосредственными стимулами внешней среды и оформляются в виде **комплексного переживания**, образом которого выступает ИК. В свою очередь РК представляет собой своеобразную синтаксическую матрицу, которая накладывается на данное переживание и тем самым позволяет ему включиться в языковую систему. Таким образом, **значение слова** рассматривается как единство родовой и интегральной категории.

Согласно теории функциональной семиотики, по своей категориальной структуре словесные знаки делятся на два типа. К первому типу относятся **слова-объекты** и **слова-изменения**, которые составляют основу любой модели опыта (они представлены существительными и глаголами соответственно). Ко второму типу относятся слова, которые обеспечивают «семантическое усложнение аналитических моделей», обозначая существенные свойства объектов и изменений, а так же определенные условия осуществления изменений или определенные отношения, структурирующие элементы ситуативной модели опыта. К словам такого типа относятся прилагательные (Толочин, Лукьянова и др. 2014: 68-69).

Для настоящего исследования особый интерес представляют слова именно второго типа. Категориальная структура их значения состоит из родовой категории, которая указывает на «характер отношения, обозначаемого словом, к определенным объектам или изменениям» и интегральной категории, которая наполняет это отношение «специфическим функционально-оценочным содержанием» (там же). Так в основе значения прилагательного как слова, обозначающего признак предмета, лежит родовая категория «способность объекта обладать определенным значимым для опыта свойством» (Толочин, Лукьянова и др. 2014: 104).

Поскольку объектом настоящего исследования является прилагательное *happy* и его производные, то важно обратить внимание на следующую особенность однокоренных слов, отмеченную в теории функциональной семиотики. Несмотря на общность своего категориального состава (общая ИК), однокоренные слова разной частеречной принадлежности могут по-разному комбинировать категориальные комплексы. Например, существительное *happiness*, которое является производным от прилагательного *happy*, позволяет моделировать отношения между свойствами опыта иначе, чем это делает прилагательное.

Прилагательное *happy* указывает на наличие у объекта определенного признака, который не может быть модифицирован в силу того, что характер

связи между объектом и признаком не акцентируется и, следовательно, признак мыслится как присущий этому объекту. В данном случае можно говорить о «временной актуальности» указанного признака.

Вместе с тем аналогичные свойства опыта, сигнализирующие о наличии признака *happy*, могут быть представлены в качестве объекта соответствующей ситуации и закреплены в значении существительного *happiness*. Иными словами, *happiness* представляет собой уже не признак другого объекта, а отдельный объект ситуации, способный взаимодействовать с другими объектами. Более того, это предполагает наличие у *happiness* ряда признаков, которые могут быть модифицированы, то есть речь идет о возможности контроля и изменения выделенного объекта ситуации (Толочин, Лукьянова и др. 2014: 76-77).

В этой связи отметим, что возможность изменять, контролировать, изучать такой объект как *happiness* является необходимой для многих научно-практических дисциплин, включая психологию, культурологию, социологию. В практической части настоящего исследования будет проведен анализ структуры значения прилагательного *happy* в текстах разного типа, что, в частности, позволит установить, какие именно «временные» признаки, описываемые англоязычной лингвокультурой с помощью знака *happy*, переносятся из сферы повседневного употребления в сферу научного дискурса и переосмысляются как отдельный объект научных исследований. В перспективе такое сопоставление поможет уточнить, что именно представляет собой *happiness* как объект изучения англоязычных специалистов, в частности психологов и культурологов.

Для того чтобы провести подобное сравнение различных ЛСВ значения прилагательного, рассмотрим основные положения теории функциональной семиотики касательно **полисемии**, под которой в целом понимается «категориальная вариативность значения слова». Сущность явления полисемии заключается в следующем: наблюдается вариативность родовой категории, которая обеспечивает слову возможность «входить во все

необходимые для языкового сознания контексты»; при этом интегральная категория остается неизменной. Таким образом, слово сохраняет свое целостное значение, но в его категориальной структуре возникают специфические черты, отражающие природу той сферы опыта, в моделировании которой задействовано данное слово (Толочин, Лукьянова и др. 2014: 83-86).

В рамках данной теории выделяются **основные и производные ЛСВ**. Основные ЛСВ рассматриваются как ряд равнозначных вариантов «родовой конкретизации интегральной категории», которые находятся в отношениях функциональной аналогии. Их равнозначность связана со способностью ИК задавать «открытое множество сфер опыта», в которых выделяемый элемент внешнего мира, обеспечивающий одно и то же «функциональное отношение по поводу аналогичных потребностей», будет обозначаться одним словом (Толочин, Лукьянова и др. 2014: 89).

Основные ЛСВ возникают как результат метафоризации определенной человеческой потребности: в этом отношении сама природа ИК является метафорической. Наряду с ними выделяются также ЛСВ, которые образуются с помощью метонимии и являются производными по отношению к основным ЛСВ. Важно отметить, что природа и характер метонимического расширения, в результате которого появляются производные ЛСВ, являются функционально обусловленными, поэтому производные ЛСВ относятся к той же ситуативной модели определенной сферы опыта, что и соответствующие им основные ЛСВ (Толочин, Лукьянова и др. 2014: 112).

Как отмечалось выше, основные ЛСВ являются результатом преобразования одной и той же «категориальной схемы» в зависимости от той сферы опыта, в которой данное слово реализует свою ИК, т.е. представляют собой равнозначные варианты этой схемы. (Толочин, Лукьянова и др. 2014: 112). ИК, таким образом, является стержнем полисемии конкретного слова и основой значения всех однокоренных слов, однако не существует в этих словах сама по себе: «характеристики родовой

категории позволяют стабильной и неизменной интегральной категории приобрести необходимые для однозначного слова признаки частеречной принадлежности в конкретном типе контекста» (Толочин, Лукьянова и др. 2014: 89). Следовательно, вне контекста слова не существует; **контекст** в этом смысле понимается как необходимое условие для реализации значения слова.

Таким образом, конкретный ЛСВ слова формируется в определенном типе контекста, который репрезентирует соответствующую сферу опыта. При этом наличие в сознании ситуативных моделей опыта обусловлено именно стабильностью контекстов употребления словесных знаков (Толочин, Лукьянова и др. 2014: 170), что позволяет говорить о важной роли слов «**в моделировании комплексных текстовых ситуаций**» (Толочин, Лукьянова и др. 2014: 76-77). В этой связи нам представляется необходимым рассмотреть слово *happy* и его производные при их функционировании в различных текстовых ситуациях.

1.2. Анализ семантической структуры слова в текстах разных типов

1.2.1. Типы текстов: специализированный текст как особый тип текста

В соответствии с коммуникативными потребностями того или иного лингвокультурного сообщества разнообразные текстовые ситуации постепенно складываются в определенные функциональные типы текста (Фикс 2001: 101). Существует множество подходов к типологии текстов с разными критериями классификации. В рамках настоящего исследования мы будем соотносить типы текста со сферами общения, сферами опыта, т.е. с типами дискурса (Валгина 2003: 113), (Юзефович 2012: 201).

Исходя из того, что рассматриваемые нами слова (прилагательное *happy* и в особенности существительное *happiness*) в настоящее время употребляются не только в сфере повседневного общения, но, как уже отмечалось в разделе 1.1.3, систематически используются в научно-

практической сфере, анализ семантической структуры данных слов мы построим на основании сопоставления двух этих сфер. Такое сопоставление соотносится с дихотомией «персональный дискурс : институциональный дискурс», где под **персональным дискурсом** понимается обиходно-бытовое и бытийное общение, а под **институциональным дискурсом** – речевое общение в рамках определенных общественных институтов (например, научный, медицинский, педагогический, рекламный, политический, религиозный дискурс) (Карасик 1998: 190-191). Как отмечает Ю. С. Степанов, дискурс главным образом представлен в текстах (Степанов 1998: 676), т.е. его можно рассматривать как совокупность тематически соотнесенных текстов, на базе которых этот дискурс реализуется (Прохоров 2009: 23, 170), а текст – как основную единицу дискурса (Красных 2003: 110).

В соответствии с этим мы будем рассматривать прилагательное *happy* и его производные в двух типах текста – в специализированном тексте и тексте неспециализированном. Материалом для анализа данных слов в неспециализированных текстах, которые мы условно относим к персональному дискурсу, послужили контексты употребления слов, взятые из BNC. Под **специализированным текстом** мы понимаем особый тип текста, создаваемый в рамках институциональной коммуникации и примыкающий к той или иной научно-практической сфере. Такой тип текста представлен в виде научных работ, медицинских опросников, официальных документов и т.д.

1.2.2. Специальная лексика: термины

Сегодня *happiness* является объектом исследований целого ряда научных дисциплин, однако любой объект исследования предполагает наличие точного определения, которое закрепляется в виде специального термина. Чтобы определить, действительно ли существительное *happiness* и прилагательное *happy* функционируют в специализированных текстах как термины, рассмотрим некоторые положения общей теории терминологии.

А. В. Суперанская предлагает следующее рабочее определение термина: **термин** – это специальное слово, которое принято в профессиональной деятельности и обозначает одно из понятий, входящих в систему понятий определенной области знаний (Суперанская и др. 2004: 14). Следовательно, важным свойством термина является **системность**, поскольку термин является частью конкретной терминосистемы.

Согласно А.А. Реформатскому, термин ограничен своим особым назначением и стремится к **однозначности** и **точности**, т.е. наличию строгой дефиниции (Реформатский 1967: 110–111). Однако эти условия соблюдаются не всегда. А. В. Федоров отмечает, что термин может быть многозначным, совмещая при этом не только несколько специальных значений, но и несколько «специальных и общеобиходных» значений (Федоров 2002: 246–247). Следовательно, термин может представлять собой лишь один из ЛСВ значений слова. В статье «H₂O – or Water of Life?» И. В. Толочиним подробно рассмотрена способность словесного знака, функционирующего в сфере повседневного общения, участвовать в моделировании ситуаций в рамках научной коммуникации, выступая при этом в качестве термина. Так, в сфере научного дискурса слово water используется в своем терминологическом значении: «water – chemical formula – H₂O», однако даже в таком типе контекста интегральная категория, закрепленная в значении существительного, остается той же, что и в сфере повседневного общения (Толочин 2012: 136–141).

Другая особенность терминов состоит в том, что они часто являются сознательно созданными именами «сгустков смысла», которые кодируют целую концепцию и выражаются «свертками множества синонимичных высказываний» (Никитина 2014: 29). Иными словами, термину свойственна **смысловая компрессия**. При этом важно различать сферу фиксации и сферу употребления термина. Значение термина в словарях и его значение в текстах часто расходятся, поэтому изучать терминологические единицы необходимо именно на материале текстов, где они могут изменять свою семантику:

современные исследования уделяют внимание вариативности, синтагматическим партнерам, контекстуальным синонимам терминов (Никитина 2014: 50-51), (Ahmad 1994: 9-16).

Вопрос о **частеречной принадлежности** терминов также остается открытым. Некоторые исследователи полагают, что терминами могут быть не только существительные, но и прилагательные (Даниленко 1977: 43-44), (Зяблова 2005: 29).

Важным для настоящего исследования является тот факт, что помимо терминов в специализированных текстах встречаются также «семантически трансформированные» слова и выражения языка повседневного общения (Никитина 2014: 26-27). Их систематическое употребление в специализированных текстах часто приводит к возникновению у них терминологических черт. Иными словами, при определенных условиях данные единицы подвергаются **процессу терминологизации** и входят в терминосистему конкретной области. До этого термин может длительное время существовать как **«предтермин»**, т.е. существовать в виде нерасчлененного представления о каком-либо явлении, пока это представление «не превратится в упорядоченную структуру знания, которая подводится под термин» (Новодранова 1997: 13-14).

1.3. Прилагательное harpu и его производные как объект лингвистических исследований

В этом разделе приведен краткий обзор современных лингвистических исследований, посвященных прилагательному harpu и его производным; те фрагменты, которые будут задействованы в практической части настоящей работы, разбираются достаточно подробно.

В настоящее время существует значительное число научных трудов, посвященных изучению лексемы harpu и однокоренных слов. Многие из них основаны на когнитивно-семантическом подходе и посвящены скорее

описанию happiness как концепта, чем анализу семантической структуры данных языковых единиц.

Так в работе «Conceptual Modeling of Emotive States (on the basis of emotive state HAPPINESS)» И. В. Мигович выводит концептуальную модель эмоционального состояния happiness, выраженного различными языковыми средствами, используя при этом методы когнитивной, корпусной и прикладной лингвистики. Автор учитывает тот факт, что данное существительное является производным от happy, поэтому в работе приводятся сведения об этимологии и значении этого прилагательного, т.е. happy рассматривается как в диахроническом, так и в синхроническом аспекте. Согласно И. В. Мигович, среднеанглийский корень «happ» означал «chance, good luck», поэтому слово happy, вероятно, использовалось в значении, близком к «prosperous». Значение «content» (т.е. указание на определенное эмоциональное состояние) прилагательное приобретает только в XVI веке (Мигович 2012: 102-103).

На значительные изменения в значении happy и happiness указывает также А. Вежбицкая. Исследователь полагает, что значения happy и happiness сильно изменились после XVIII века: до этого лексемы обозначали более интенсивное, кратковременное чувство, во многом связанное с понятиями «good luck, fortune». В современном английском языке happiness обладает более обобщенным значением, обозначающим менее интенсивное чувство, что в целом справедливо и для happy (Goddard 2011: 110-111). А. Вежбицкая делает ряд других ценных замечаний: с одной стороны, названия психоэмоциональных состояний всегда лингво- и культурноспецифичны, поэтому, например, не во всех языках можно найти эквивалент английскому слову happy. С другой стороны, современная психология (и наука в целом) проявляет все больший интерес к изучению различных психоэмоциональных состояний, при этом во многих исследованиях используются их английские названия так, будто их значение объективно и культурно независимо. По

мнению А. Вежбицкой, это приводит к англоцентричному взгляду на чувства и эмоции в современной науке (Вежбицкая 2011: 549-550).

Вместе с тем И. В. Мигович отмечает, что в самой английской лингвокультуре нет четкого определения содержания, которое кроется за знаком *happiness* и которое все чаще выступает объектом различных исследований. Как отмечает автор, в английской лексикографии внимание уделяется в основном прилагательному *happy*, в то время как существительное *happiness* во многих словарях не представлено вовсе или же определяется через прилагательное как «*the state/ feeling of being happy*» (Мигович 2012: 103).

На основании лексем, с помощью которых *happiness* описывается в словарных статьях, автор выделяет три основных концепта, составляющих содержание этого слова: *hedonic concept* – «*happiness as a set of physical or intellectual pleasures; enjoyment of pleasure without pain; pleasurable experience; dominantly agreeable emotion ranging in value from mere contentment to deep and intense joy in living*»; *evdemonical concept* – «*happiness as a process of obtaining some goods...and realization of wishes; state of pleasurable content of mind which results from success or attainment of what is considered good; pleasurable experience that springs from possession of good or gratification of desires*»; *concept of contrast*: данный концепт предполагает зависимость *happiness* от *unhappiness*, т.е. определяет *happiness* как «*relief from pain or evil*» (Мигович 2012: 104). Выделение последнего концепта, на наш взгляд, не совсем последовательно: используя термины философии, можно сказать, что первые два концепта выделены катафатично, а последний – апофатично, причем для определения этого концепта используется производное слово (*unhappiness*). Более того, данный концепт фактически включен в *hedonic concept* («*pleasure without pain*»). В свою очередь первые два концепта во многом пересекаются.

И. В. Мигович выделяет следующие отличительные черты концепта *happiness*: «*relative permanence, a natural desire for...continuation [of this*

emotive state], a large measure or full satisfaction , especially of higher intellectual or moral kind». Однако в отношении семантики автор приходит к заключению о том, что happiness, а также blessedness, bliss, felicity, beatitude фактически являются семантическими дублетами (т.е. абсолютными синонимами), при этом слово happiness больше ориентировано на объективный аспект значения (well-being), в то время как остальные дублеты – на субъективный аспект (pleasure) (Мигович 2012: 104). Такой вывод противоречит вышеупомянутым концептам, выделенным на основании словарных статей: в их формулировках слова pleasure, pleasurable весьма частотны, в то время как слово well-being не встречается вовсе.

Компонент well-being отсутствует также в концептуальной модели эмоционального состояния happiness, с помощью которой И. В. Мигович показывает, как данный концепт реализуется в языке. В центре данной модели находятся лексемы happiness, happy, happily, причем прилагательное happy является ядром всей модели; вокруг центра располагаются лексемы, которые чаще всего употребляются для выражения концепта happiness (например, glad, pleasant, pleasure, content, joy), на периферии – лексемы, которые используются редко (например, satisfied, cheerful, delighted, lucky) (Мигович 2012: 104-105). Таким образом, данная модель демонстрирует скорее место прилагательного happy и его производных среди ряда синонимов (причем как прилагательных, так и существительных). Несмотря на то, что прилагательное happy рассматривается как изначальный источник корневой морфемы, частеречная принадлежность лексем и семантические связи между прилагательным и его производными фактически не учитываются, поскольку акцент делается именно на концептуальной структуре знаков.

Работа «Cognitive Linguistics: The Conceptualisation of Happiness» также посвящена happiness как концепту и представляет собой анализ лексем happiness, blissful, joyful, т.е. неродственных слов разной частеречной принадлежности; прилагательное happy не рассматривается вовсе. Тем не

менее, автор приводит интересные статистические данные, полученные в результате корпусного анализа. Например, употребление happiness в основном связано с отношениями между людьми и с материальными вещами, нежели с абстрактными понятиями, т.е. причиной появления данного состояния является, как правило, другой человек или какой-либо предмет. Поэтому happiness главным образом ассоциируется с настоящим временем и длительным промежутком времени, или, во всяком случае, с надеждой на то, что данное состояние будет продолжительным (Rundberg 2010: 30).

Рассмотренные нами работы, посвященные анализу happy и его производных, позволяют сделать предположение о том, что для когнитивной семантики в целом характерна тенденция к рассмотрению именно существительного happiness как некоего концепта. Как отмечалось выше, в лексической семантике (основанной на денотативном подходе) наблюдается противоположная тенденция: словари в первую очередь определяют прилагательное, поскольку с позиции денотативной теории выделение определенных свойств объективной действительности в данном случае начинается именно с happy, в то время как значение существительного happiness в целом определяется через прилагательное как «the state of being happy».

Однако некоторые исследователи достаточно подробно анализируют прилагательное happy. К. Годдард отмечает, что словарные статьи не дают ясного представления о значении этого полисемантического слова, и делает некоторые замечания относительно семантики happy. Так, автор выделяет два основных значения happy: одно обозначает эмоциональное состояние (emotional happy) и выражает happiness; второе значение проявляется, как правило, при сочетании прилагательного с предлогом with («I'm happy with my present situation») и не выражает happiness. Разница между этими значениями проявляется также в том, что антонимом для «emotional happy» будет прилагательное unhappy или sad, а антонимом для второго значения – сочетание «not happy». В работе также сопоставляются прилагательные

unhappy и sad: автор отмечает, что unhappy предполагает большую активность со стороны субъекта. Выражение «I am unhappy about it» подразумевает, что говорящий, вероятно, намеревается что-нибудь сделать, чтобы изменить ситуацию, или, во всяком случае, рассматривает такую возможность (Goddard 2011: 109-112).

К. Годдард обращает внимание и на сочетаемость happy с предикатами be и feel. В конструкции «to be happy» акцент делается на рациональном осмыслении этого состояния, в «to feel happy» – на самом переживании, поэтому данная конструкция может использоваться даже тогда, когда причина эмоционального состояния, обозначаемого прилагательным happy, неизвестна (Goddard 2011: 105-106).

Особого внимания заслуживает работа Р. Голрица «Conceptual Construction through Contextual Modulations. A Case Study of Happiness and Happy», в которой проводится подробный концептуально-семантический анализ указанных в названии работы языковых единиц. Автор стремится выявить те структуры в значении happy и happiness, которые позволили бы понять, как представители английского языкового сообщества воспринимают эти понятия. При этом Р. Голриц многократно подчеркивает, что описание структуры значения возможно только в контексте, поскольку именно в контексте происходит концептуализация значения, которая основывается на семантической и концептуальной структуре слова. Контексты, в которых встречаются слова happy и happiness, весьма разнообразны, и в зависимости от контекста эти знаки имеют, например, социальную, экономическую, политическую значимость. Примечательно, что в работе говорится о важности функциональных черт, лежащих в основе значения, поскольку оно возникает как результат нашего взаимодействия с окружающим миром (Golriz 2010: 4-9). Такое внимание к контексту и функциональным аспектам значения созвучно функционально-семантическому подходу к описанию значения, который будет применяться в практической части настоящего исследования.

Р. Голриц сопоставляет концептуальные структуры существительного happiness и прилагательного happy (точнее – «being happy»), рассматривая их как отдельные, но взаимосвязанные сложные понятия. Более того, автор отмечает, что между значениями happy и happiness не так много общего, как можно было бы предполагать. Перечислим лишь некоторые важные выводы, к которым приходит Р. Голриц в результате анализа примеров из BNC.

Сначала в работе рассматриваются черты существительного happiness. С одной стороны, это слово обладает широкой семантикой, фактически обозначая все положительные признаки и качества, которыми может располагать человек или которые он стремится обрести. Вместе с тем, happiness может восприниматься через другую концептуальную структуру, которая предполагает существование различных видов happiness, например: «That kind of happiness?». Более того, на концептуальном уровне happiness иногда рассматривается как некоторая величина, количество (amount), следовательно, happiness можно измерить, посчитать, например: «abnormal extremes of sadness and happiness», «a quotient of happiness» (Golriz 2010: 14, 15, 20).

В непосредственной связи с этим представлением находится данное автором концептуальное определение happiness как некой переменной, подверженной изменениям: happiness напрямую зависит от обстоятельств, условий, поэтому не является неизменным состоянием. При этом данное состояние является желанным, о чем сигнализируют выражения «to look for/wish/pay for happiness», которые маркируют концепт «happiness is a valuable object». Вместе с тем достижение такого состояния может представлять собой своего рода сделку: чтобы получить happiness, необходимо выполнить определенные условия. Такое концептуальное представление о данном знаке можно охарактеризовать как «happiness is a commodity, an article of exchange» (Golriz 2010: 16-17).

Далее Р. Голриц анализирует черты happy, также группируя контексты на основании выведенной им концептуальной структуры значения, учитывая

при этом синтаксическую сочетаемость прилагательного. Например, автор рассматривает конструкцию «X is Happy with ...(Y)», которую он объясняет следующим образом: Y является источником happiness для X, причем состояние happiness воспринимается здесь как чувство удовлетворения (satisfaction), которое X испытывает благодаря Y (Golriz 2010: 26). Таким образом, словосочетание «happy with» выделяет не только К. Годдард, но и Р. Горлиц, причем оба автора указывают на рациональное осмысление состояния, обозначаемого знаком happy в данной конструкции.

Другая концептуальная структура, на основании которой может формироваться значение happy, выражена формулой «doing act X makes someone happy», т.е. субъект действия испытывает положительное ощущение в связи с тем, что он совершает действие, обозначаемое глаголом, причем данное действие совершается субъектом намеренно, например: «happy to accept». Речь идет не о том, что субъект выполняет действие, а затем испытывает ощущение, описываемое знаком happy – субъект испытывает это ощущение, выполняя данное действие. Как отмечает автор, в данном случае можно провести аналогию с перформативностью в теории речевых актов, которая предполагает, что говорящий произносит высказывание и одновременно совершает действие: так в указанном выше примере happiness фактически приравнивается к действию accepting (Golriz 2010: 23-25). Отметим, что при анализе happy автор иногда прибегает к понятию happiness, зачастую отождествляя «the state of happiness» с «the state of being happy».

Однако возможно, что таким образом Р. Голриц пытается установить концептуальные (а не семантические) связи между happiness и happy. Отчасти это предположение подтверждается в следующей части работы, посвященной сравнению двух понятий. Например, автор приводит такие модели взаимосвязи happy и happiness: «Something happening makes someone happy = cause of happiness»; «Doing X makes someone happy = cause of happiness» (Golriz 2010: 32).

По замечанию автора, наиболее тесно данные понятия связаны с точки зрения темпорального аспекта их концептуальной структуры, поскольку время является своеобразной опосредующей средой (medium) для состояния, выражаемого словами *happy*, *happiness*. Эту связь наглядно демонстрируют следующие трансформации: «*a moment of happiness*» – «*happy moment*», «*happy period*» – «*a period of happiness*». Помимо этого, можно выделить как кратковременные («*happy hour*», «*a moment of happiness*»), так и долговременные («*happy retirement*», «*life of happiness*») проявления данного состояния (Golriz 2010: 22, 29, 34).

В целом, автор делает вывод о том, что прилагательное *happy* обладает более конкретным, более «ощутимым» значением по сравнению с более абстрактным существительным *happiness*, что отчасти определяется синтаксической сочетаемостью данных языковых единиц. Тем не менее, в обоих случаях не всегда удастся однозначно определить, какой именно вариант значения (*sense*) представлен в том или ином контексте: Р. Голриц считает это одной из основных проблем при исследовании семантики естественного языка и в качестве возможного решения предлагает считать, что варианты значения могут проявляться в виде одного кластера (*cluster*), т.е. как совокупность нерасчленимых значений (*senses*) (Golriz 2010: 38-40). В результате такого подхода одни и те же контексты употребления *happy* и *happiness* часто оказываются отнесены к разным концептуальным структурам, к разным вариантам значения данных лексем.

Отдельно отметим, что Р. Голриц выделяет «основное значение» (*core meaning*) для концептов *happiness* и *happy*: «*Happiness and being happy is the state that one feels when one is satisfied by different circumstances of life*» (Golriz 2010: 39). На наш взгляд, подобная попытка выделить некоторое общее основание для двух лексем (несмотря на то, что рассматривается не столько *happy*, сколько *being happy*), отчасти напоминает выделение ИК в функционально-семиотическом подходе.

Многие исследования лексем *happy* и *happiness*, включая некоторые работы, отмеченные выше, основываются на методах когнитивной семантики, однако в них не учитывается тип дискурса, который мы считаем важным фактором при конструировании словесного значения (см. разделы 1.1.2-1.1.3). В ряде других исследований эти лексемы, наоборот, рассматриваются в конкретном типе дискурса, например, в рекламном (Анисимова 2007) или политическом дискурсе (Таратынова 2013). Тем не менее, в этих работах *happiness* также определяется как концепт, и основное внимание уделяется «лингвопрагматической актуализации» и «дискурсивной реализации» данного концепта, а не лексико-семантической структуре слова.

Особый интерес представляет описание функционирования лексем *happy* и *happiness* в исследовании С. В. Кудря, посвященном **медицинскому опросному инструменту (МОИ)**, поскольку в исследовании одновременно учитываются как дискурсные, так и семантические особенности данного типа текста («дискурс-текста»). МОИ представляет собой сравнительно новый вид коммуникации в рамках «медицинского (клинического) институционального дискурса» (см. раздел 1.2.1.), а также дискурса сферы массовых опросов и дискурса врач-пациент (Кудря 2012: 5, 44).

Текст такого типа характеризуется «прагматической двухфокусностью», т.е. он ориентирован как на врача, так и на пациента. Однако содержание МОИ воспринимается реципиентами по-разному, поскольку пациент является не только субъектом, но и объектом дискурса: для врача информация носит содержательно-фактуальный характер, а для пациента – эмоциональный (что соответствует целям коммуникации, т.к. исследуется именно эмоциональное состояние пациента). В связи с этим в МОИ наблюдается тенденция к «рационализации языка» (Lucy 1996: 60): в текстах систематически употребляются «автоматизированные языковые репрезентации английского языка повседневного общения» (Harvanek: 3-16), которые постепенно начинают оформляться как система терминов (Кудря 2012: 102, 204-206). Например, лексемы *happy*, *happiness* выражают

одновременно и концепты обыденного языка, из которого они заимствуются (ориентация на пациента), и специализированные научные понятия (ориентация на врача). Как отмечает С. В. Кудря, с этим связаны трудности при переводе МОИ с английского: для того, чтобы соответствовать исходным лексемам английской лингвокультуры, переводческие эквиваленты должны не только принадлежать языку повседневного общения, но и соотноситься с терминологической системой (Кудря 2012: 93).

Еще одной важной особенностью МОИ является наличие шкал, с помощью которых пациент оценивает свое субъективное состояние, которое после интерпретируется врачом. В этих шкалах, наряду с эмоциональной лексикой, используется лексика, обозначающая субъективные градации, например: «*extremely happy* : *very happy* : *fairly happy*». Однако у многих респондентов более подробные «дробные ранговые шкалы» могут вызывать затруднения, поскольку в обыденном языке языковые репрезентации градаций не находятся в таких четких логических отношениях, в каких они представлены в шкале (Кудря 2012: 97-99, 164). Сама попытка произвести такую подробную градацию эмоциональных состояний (*satisfied*, *happy*, *sad* и др.) указывает на то, что специалисты воспринимают эти состояния как некий объект, который можно измерить.

В работе С. В. Кудря отмечены также некоторые особенности употребления лексемы *happy*. Как отмечает автор, в МОИ используются не только частные ЛСВ *happy*, например, значение «счастья как сильного личного переживания» и значение оценки («*How happy, satisfied, or pleased have you been with your personal life during the past month/past week?*»), но также самое широкое, общее для всех ЛСВ, значение «положительного ощущения», в котором «актуализируется весь семантический потенциал» *happy*: «*Do you feel happy most of the time?*». Антонимами такого значения будут являться лексемы «*depressed*», «*sad*», т.е. *happy* означает здесь «отсутствие сниженного настроения», «хорошее расположение духа» (Кудря 2012: 177).

Выводы к главе 1

На основании изученного теоретического материала можно сделать следующие выводы:

1. В рамках теории функциональной семиотики значение слова представляет собой единство интегральной (ИК) и родовой (РК) категории. Под ИК понимается комплексное психофизиологическое переживание, представляющее какой-либо аспект потребностей и закрепленное за корневой морфемой всех однокоренных слов; под РК – синтаксический аспект значения слова. В основе значения прилагательного как слова, обозначающего признак предмета, лежит РК «способность объекта обладать определенным значимым для опыта свойством».

2. Структура словесного значения представляет собой совокупность всех лексико-семантических вариантов (ЛСВ), при этом стержнем полисемии является ИК, которая с помощью РК реализуется в виде отдельных ЛСВ в определенных типах контекста. Основные ЛСВ равнозначны и находятся в отношениях функциональной аналогии; производные ЛСВ возникают в результате метонимического расширения и относятся к той же сфере опыта, что и соответствующие им основные ЛСВ. При описании структуры словесного значения необходимо учитывать ту сферу опыта, в которой функционирует конкретный ЛСВ.

3. Словесные знаки участвуют в моделировании комплексных текстовых ситуаций, поэтому анализ функционирования слова в текстах разных типов позволяет выявить основные ЛСВ этого слова, которые находятся в отношении функциональной аналогии. Специализированный текст представляет собой особый тип текста, создаваемый в рамках институциональной коммуникации и примыкающий к той или иной научно-практической сфере.

4. Под термином понимается специальное слово, которое принято в профессиональной деятельности и обозначает одно из понятий, входящих в систему понятий определенной области знаний. За термином закреплено точное значение, однако при функционировании в текстах термин может менять свою семантику. Термину свойственна системность и смысловая компрессия.

5. При систематическом употреблении в специализированных текстах слово, которое относится к сфере повседневного общения, может подвергнуться процессу терминологизации. Прежде чем превратиться в упорядоченную структуру знания, термин может длительное время существовать как предтермин.

6. Существующие на сегодняшний день исследования *haruru* и его производных показывают, что эти слова обладают сложной семантической структурой, обозначают определенное психоэмоциональное состояние и задействованы в самых разных сферах общения. Тем не менее, рассмотренные исследования практически не уделяют внимания семантическим связям между прилагательным *haruru* и его производными, а также не учитывают, как данные лексемы функционируют в различных типах текста.

Глава 2. Функционально-семиотический анализ прилагательного *happy* и его производных в текстах разных типов

2.1. Анализ словарных дефиниций прилагательного *happy*

В данном разделе приведен краткий анализ словарных дефиниций прилагательного *happy*, взятых из следующих токовых словарей: «The American Heritage Dictionary», «Merriam Webster Dictionary», «Oxford Dictionary». Как отмечалось в разделе 1.1.1., словарные статьи опираются в основном на денотативно-референциальную теорию значения слова. Следовательно, в них представлена попытка зафиксировать «объективные свойства действительности», закрепленные за словесным знаком, причем ЛСВ, как правило, располагаются либо в соответствии с частотностью их употребления, либо по иерархическому принципу, т.е. выстраиваются в ряд «прямое/центральное значение – переносные/периферийные значения».

В рассмотренных словарных статьях структура значения *happy* представлена по-разному. Наибольшее количество ЛСВ предлагает словарь «The American Heritage Dictionary»:

1. Enjoying, showing, or marked by pleasure, satisfaction, or joy. See Synonyms at *glad*.
2. Cheerful; willing: *happy to help*.
3. Characterized by good luck. See Synonyms at *fortunate*.
4. Being especially well-adapted; felicitous: *a happy turn of phrase*.
5.
  - a. Characterized by a spontaneous or obsessive inclination to use something. Often used in combination: *trigger-happy*.
  - b. Enthusiastic about or involved with to a disproportionate degree. Often used in combination: *money-happy; clothes-happy*.

Как можно заметить, для ЛСВ 2 и 4 вместо дефиниции скорее предложен ряд синонимичных прилагательных, что предполагает практически полную тождественность сразу нескольких лексических единиц. В дефинициях для ЛСВ 1 и 3 также дается ссылка на синонимы, при этом нет примеров употребления *happy* в данных значениях. Подобная тенденция к определению слова с опорой на синонимичные ему лексические единицы приводит к тому, что специфика значения определяемого слова, его категориальная структура исчезают в цепочке синонимов. В этом можно

убедиться, обратившись к дефиниции прилагательного glad, которое указано в качестве синонима для ЛСВ «happy 1». В словаре «The American Heritage Dictionary» выделяются в частности следующие ЛСВ glad:

1. a. Experiencing or exhibiting joy and pleasure.

3. Very willing; pleased: *glad to help*.

Исходя из дефиниций, ЛСВ «glad 1a» в целом действительно соответствует ЛСВ «happy 1», но в таком случае не совсем ясна разница между данными значениями прилагательных. Аналогичным образом трудно провести различие между ЛСВ «glad 3» и «happy 2», которые отождествляются с «willing» и приводятся в одинаковых контекстах: «happy/glad to help».

Среди предложенных значений happy отдельно можно выделить ЛСВ 5a и 5b, которые ориентированы на устойчивые словосочетания и сопровождаются пометкой «Often used in combination». Маркеры «obsessive» и «disproportionate», использованные в дефинициях данных ЛСВ, сигнализируют скорее о негативной оценке, связанной с моделью «X-happy», в то время как ЛСВ 1-4 позволяет отнести happy к положительному опыту. В связи с этим мы можем предположить наличие некоторой амбивалентности в значении слова happy. Тем не менее, в словарной статье нет указания на то общее, что связывает все перечисленные в ней ЛСВ прилагательного happy.

Отдельно стоит отметить, что предложенные в словарной статье дефиниции предполагают, что прилагательное happy может обозначать как признак субъекта, так и признак объекта, хотя ЛСВ в этом отношении не дифференцированы. Так, ЛСВ 2 и 5 характеризуют субъект, ЛСВ 3 и 4 – объект, а ЛСВ 1 может относиться либо к субъекту, либо к объекту.

В электронной версии словаря «Merriam Webster Dictionary» для прилагательного happy даются две словарные статьи, при этом каждый ЛСВ сопровождается примерами употребления. Раздел «Full Definition» выглядит следующим образом:

1. favored by luck or fortune: fortunate <a happy coincidence>

2. notably fitting, effective, or well adapted: felicitous <a happy choice>

3.

- a. enjoying or characterized by well-being and contentment <*is the happiest person I know*>, <*a happy childhood*>
- b. expressing, reflecting, or suggestive of happiness <*a happy ending*>
- c. glad, pleased <*I'm happy to meet you*>
- d. having or marked by an atmosphere of good fellowship: friendly <*a happy office*>

4.

- a. characterized by a dazed irresponsible state <*a punch-happy boxer*>
- b. impulsively or obsessively quick to use or do something <*trigger-happy*>
- c. enthusiastic about something to the point of obsession: obsessed <*education-conscious and statistic-happy*>

В данном случае внимание на себя обращает порядок, в котором расположены ЛСВ: более частотные, на наш взгляд, значения 3a, 3b, 3c следуют за значениями, которые восходят к среднеанглийскому корню «*happ*», имевшему значение «*chance, good luck*» (см. раздел 1.3.). По всей видимости, словарная статья построена по диахроническому принципу, так что сначала идет «*изначальный*» ЛСВ, а затем новые ЛСВ, появившиеся позже. Вероятно, именно поэтому среди значений 1-3 в последнюю очередь указан ЛСВ 3d, выделяемый только в «*Merriam Webster Dictionary*». Исходя из предложенного примера употребления, данный ЛСВ предполагает определенную ситуативную модель, определенную сферу опыта. Подробнее ЛСВ 3d будет рассмотрен в разделе 2.2.2.

Также стоит отметить, что дефиниция для ЛСВ 3b опирается на слово *happiness*, которое является дериватом определяемого слова. При этом словарная статья для существительного предлагает в частности такое определение *happiness*:

2. a. a state of well-being and contentment

Однако если подставить это определение вместо *happiness* в дефиницию для ЛСВ «*happу 3b*», то при такой подстановке практически исчезает разница между ЛСВ «*happу 3a*» и «*happу 3b*». Более того, краткая дефиниция *happiness*, которая дается в начале словарной статьи, выглядит следующим образом: «*the state of being happу*». При подстановке такого

определения вместо happiness ЛСВ прилагательного «happy 3b» будет определяться через само прилагательное, что, по сути, лишает happy полноценного словесного значения.

Как было отмечено выше, в словарной статье из «The American Heritage Dictionary» ЛСВ 1 («enjoying, showing, or marked by pleasure, satisfaction, or joy») рассматривается как синоним прилагательного glad, хотя словарная статья для glad предполагает синонимичность ЛСВ «glad 3» и «happy 2», объединенных компонентом «willing». В «Merriam Webster Dictionary» в качестве синонима glad рассматривается только ЛСВ «happy 3c», причем компонент «willing» отсутствует.

Группу значений 4a – 4c, предложенных в «Merriam Webster Dictionary», стоит рассматривать отдельно, т.к. данные ЛСВ представляют модель «X-happy», которая упоминалась выше. На негативную оценочность этой группы значений указывают маркеры «dazed irresponsible state», «impulsively», «obsessively», «to the point of obsession».

В рассматриваемой словарной статье также нет эксплицитного выражения того, обозначает ли прилагательное happy признак субъекта или признак объекта, что особенно заметно в примерах употребления для ЛСВ 3a: «the happiest person» (признак субъекта), «a happy childhood» (признак объекта).

Отдельного внимания в электронной версии словаря «Merriam Webster Dictionary» заслуживает раздел «**Learner's definition**», который дает альтернативную словарную статью для happy, ориентированную на людей, изучающих английский язык:

1.

a. feeling pleasure and enjoyment because of your life, situation, etc. <She was a very happy child>

b. showing or causing feelings of pleasure and enjoyment <She had a very happy childhood>

c. not used before a noun: pleased or glad about a particular situation, event, etc. <We are so happy that you were able to come to the party>

- d. very willing to do something — usually followed by to + verb <*I would be happy to assist you*>
2. used as part of a greeting or wish for someone on a special holiday or occasion <*Happy birthday, Mom!*>
3. always used before a noun: lucky or fortunate <*a happy coincidence*>
4. always used before a noun: fitting or suitable <*a happy choice of words*>

Преимущество данной словарной статьи заключается в том, что она сопровождается большим количеством примеров употребления (выше приведен только один пример для каждого ЛСВ). Порядок расположения ЛСВ также кажется более последовательным, чем в разделе «Full Definition». Все это обусловлено тем, что раздел «Learner's definition» ориентирован на людей, изучающих английский язык, и поясняет особенности употребления прилагательного happy в разных его значениях. В связи с этим дефиниции сопровождаются грамматическими пометами. Например, выделенный ЛСВ 1d, который определяется через «willing» (как уже отмечалось, в разделе «Full Definition» этот компонент опущен), сопровождается пометой «usually followed by to + verb».

В разделе «Learner's definition» не указаны значения, которые мы обозначили формулой «X-happy»; все выделенные ЛСВ можно отнести к положительному опыту. Несмотря на это, они сгруппированы таким образом, что ЛСВ 1a, 1b, 1c соотнесенные друг с другом в большей степени, рассматриваются наряду с ЛСВ 1d, который предполагает уже иную ситуативную модель опыта. Исходя из дефиниций ЛСВ 1a и 1c, данные значения весьма схожи, однако ЛСВ 1a носит более обобщенный характер («enjoyment because of your life»), а ЛСВ 1c – более ситуативный характер («glad about a particular situation»), поэтому может использоваться только предикативно. На тесную связь между ЛСВ 1a и 1b указывают примеры употребления: «She was a very happy child» (ЛСВ 1a), «She had a very happy childhood» (ЛСВ 1b). Таким образом, два этих ЛСВ фактически отличаются только тем, что ЛСВ 1a обозначает признак субъекта, а ЛСВ 1b – признак объекта. Помимо этого, ЛСВ 2 фиксирует речевые клише и, на наш взгляд,

вполне может быть включен в ЛСВ 1b. В целом, не совсем ясно, что объединяет выделенные в словарной статье ЛСВ в целостное словесное значение.

Наконец, обратимся к словарной статье для прилагательного *happy* из электронной версии словаря «**Oxford Dictionary**»:

1. Feeling or showing pleasure or contentment: *Melissa came in looking happy and excited*; [with clause]: *we're just happy that he's still alive*; [with infinitive]: *they are happy to see me doing well*

1.1. (happy about) Having a sense of trust and confidence in (a person, arrangement, or situation): *he was not happy about the proposals*

1.2. (happy with) Satisfied with the quality or standard of: *I'm happy with his performance*

1.3. [with infinitive] Willing to do something: *we will be happy to advise you*

1.4. [attributive] Used in greetings: *happy Christmas*

2. [attributive] Fortunate and convenient: *he had the happy knack of making people like him*

3. informal [in combination] Inclined to use a specific thing excessively or at random: *they tended to be grenade-happy*

Сравнение этой словарной статьи со статьями, рассмотренными выше, позволяет сделать ряд важных замечаний. Во-первых, в «Oxford Dictionary» особое внимание уделяется синтагматическому аспекту употребления *happy*. Например, ЛСВ 1.3 сопровождается пометой «with infinitive». Аналогичным образом маркирован соответствующий ЛСВ 1d из «Learner's definition» («Merriam Webster Dictionary»); в обеих словарных статьях сочетаемость такого ЛСВ *happy* с инфинитивом фиксируется в самой дефиниции: «willing to do something». Согласно «Oxford Dictionary», конструкция «happy + infinitive» возможна и при употреблении *happy* в более общем значении 1.

Так же, как и в «Learner's definition» (см. ЛСВ 2), в словаре «Oxford Dictionary» выделяется аналогичный ЛСВ 1.4, отражающий речевые клише, однако он рассматривается как оттенок более общего значения 1, что кажется более верным. Более того, выделяемые в рассмотренных выше статьях ЛСВ со значением «fortunate», с одной стороны, и ЛСВ со значением «well-

adapted/felicitous/fitting» – с другой, в «Oxford Dictionary» объединены в один ЛСВ 2. Модель «X-happy» также представлена не несколькими, а одним ЛСВ 3, дефиниция которого включает маркер негативной оценки «excessively».

Особый интерес в данной словарной статье представляют ЛСВ 1.1 и 1.2, не имеющие аналогов в других статьях. На наш взгляд, данные ЛСВ выделены на основании сферы их употребления, т.е. соотнесены с определенными ситуативными моделями опыта. На это указывают маркеры, которые можно выделить как в дефинициях, так и в примерах употребления (в том числе взятых из отдельного раздела «Example sentences»).

Для ЛСВ 1.1. это следующие маркеры: «sense of trust and confidence», «arrangement», «proposals», «community». Показательным является следующий пример: «He is happy about the arrangement and believes it will help him adjust to life in the community». Такой контекст предполагает активное взаимодействие субъектов в рамках общественных отношений, при этом свойство happy возникает у субъекта при наличии благоприятных для него условий. Дефиниция ограничивает употребление happy в таком значении словосочетанием «happy about».

Для ЛСВ 1.2. можно выделить следующие маркеры: «satisfied with the quality or standard», «happy with his performance». В данном случае четко прослеживается сфера оказания услуг, причем предполагается наличие некоего стандарта. Согласно дефиниции, такой контекст задается словосочетанием «happy with».

Однако, примеры употребления happy в значении 1.3. также позволяют отнести данный ЛСВ к сфере общественных отношений: «Mayo Cat Rescue is happy to advise people on many aspects of cat care, so please phone us for help should you need it»; «Local Citizens' Advice Bureaux will also be more than happy to advise and help fill in any paperwork at no cost». На наш взгляд, здесь happy указывает на готовность субъекта выполнить свои обязанности, причем само действие направлено на другой субъект и связано с оказанием помощи.

В целом представленные в «Oxford Dictionary» ЛСВ не дают представления о целостном значении прилагательного *happy*, что справедливо для всех рассмотренных выше словарных статей. В каждой из них категориальный комплекс, закрепленный в значении *happy*, распределяется в виде отдельных ЛСВ по-разному, причем заметна тенденция к определению некоторых ЛСВ через ряды синонимичных прилагательных, которые не проясняют специфику значения, а затемняют ее. Также в словарных статьях практически не проводится различие между обозначением признака субъекта и признака объекта, что кажется нам важным, поскольку прилагательное *happy* указывает на определенное психоэмоциональное переживание, которое испытывает именно субъект. Чтобы выявить сущность этого переживания, объединяющего все ЛСВ прилагательного *happy*, проанализируем контексты употребления слова, используя функционально-семиотический подход.

2.2. Анализ контекстов употребления слова *happy* на материале примеров из языкового корпуса

В настоящем разделе будут проанализированы контексты употребления прилагательного *happy*, отобранные методом сплошной выборки из Британского национального корпуса. Как отмечалось в разделах 1.1.2. и 1.2.1., эти контексты в целом репрезентируют случаи употребления слова в сфере повседневного общения, т.е. являются примерами использования *happy* в неспециализированных текстах.

2.2.1. Интегральная категория *happy*

Систематизацию контекстов употребления прилагательного *happy* целесообразно начать с выделения интегральной категории (ИК), поскольку именно она лежит в основе словесного значения и объединяет все ЛСВ. Для того, чтобы выделить ИК, мы прежде всего рассматривали контексты,

содержащие сравнительную конструкцию «(as) happy as». Их можно охарактеризовать как контексты, в которых happy стоит в тематически сильной позиции: сравнительная конструкция актуализирует основные свойства опыта, закрепленные за знаком happy. К этой контекстной группе относятся следующие примеры:

- (1) Sarah stayed outside a few minutes longer, her spirits lifting wondrously, and she felt as happy as a robin singing among the branches of the oak tree.
- (2) 'We'd be as happy as the birds in spring,' sighed Blake.
- (3) The captain was as happy as a pig in the mire.
- (4) I think we should all be as happy as kings.'

В примерах данной группы прослеживается следующая закономерность: субъекты «robin», «birds», «pig» (примеры 1-3), которые обладают свойством happy, находятся в максимально комфортном для себя окружении, соответствующем их внутренним потребностям: для птицы – это весна, для свиньи – лужа грязи. В примере 4 happy рассматривается как признак, присущий королям: здесь имплицитно заложено представление о том, что короли обладают всем необходимым, условия их жизни максимально комфортны.

В следующем примере сравнительная конструкция служит для передачи не положительного, а отрицательного опыта, т.к. субъект, обозначенный неопределенной дескрипцией «a man» не может являться носителем свойства happy из-за внешнего раздражения в виде зубной боли, которое нарушает его гармоничное психофизиологическое состояние:

- (5) Above all, she felt guilty that she had persuaded Bill, who looked as happy as a man with a toothache, to make an appearance.

Таким образом, в примере 5 сравнительная конструкция использована иронически. В целом, анализ данной контекстной группы показал, что знак happy сигнализирует о положительном опыте. Такой же результат мы получили при рассмотрении словарных статей: happy определяется через такие переживания как «pleasure», «satisfaction», «joy», «contentment». Тем не менее, в словарях не учитывается один важный аспект значения слова happy, который мы заметили при анализе контекстов из корпуса. Наглядно это

можно продемонстрировать на дефиниции из раздела «Learner's definition» («Merriam Webster Dictionary»): «1. a. feeling pleasure and enjoyment because of your life, situation, etc». Предлог because of указывает на причину появления признака happy, однако сама причина не раскрыта, поскольку элементы опыта «your life», «situation» без каких-либо дополнительных характеристик могут вызывать к себе как положительное, так и отрицательное отношение. Поэтому, на наш взгляд, стоит учитывать следующие случаи употребления прилагательного happy:

- (6) Martha Levy, too, was happy in what many would have found an unenviable situation
- (7) Some men are happy not to be too closely involved, however.

Примеры 6 и 7 показывают, что признак «happy» может возникать даже тогда, когда внешние обстоятельства, согласно общепринятому представлению, не предполагают наличие данного признака – определяющую роль играют не сами обстоятельства, а их соответствие внутренним потребностям субъекта. Вероятно, приведенная выше словарная дефиниция не конкретизирует элементы опыта «your life», «situation» именно по этой причине: для появления свойства happy важна не сама характеристика элементов опыта, а их соотнесенность с потребностями человека. Однако эксплицитно этот аспект значения happy в словаре не выражен.

На основании всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что в основе значения прилагательного happy лежит такой опыт взаимодействия человека со своим окружением, который характеризуется благоприятными условиями, соответствующими его внутренним потребностям. Отметим, что схожим образом «основное значение» для слов happy и happiness определяет Р. Голриц: «Happiness and being happy is the state that one feels when one is satisfied by different circumstances of life» (см. раздел 1.3.). На наш взгляд, очень показательно, что Р. Голриц чувствует необходимость выделить общее «основное значение» не только для прилагательного happy, но и для производного от него существительного happiness. Как было отмечено в

разделе 1.1.3., ИК как раз представляет собой интегральную семантическую базу для однокоренных слов.

Таким образом, ИК для прилагательного happy и его производных мы сформулируем следующим образом:

(ИК) *a positive experience of one's interaction with the environment characterized by subjectively assessed conformity between external circumstances and one's internal needs.*

2.2.2. Основные ЛСВ прилагательного happy и его интегральная категория как основа полисемии

На основании сформулированной в предыдущем разделе ИК мы выделили несколько стабильных текстовых ситуаций, в моделировании которых участвует слово happy. В каждом выделенном типе контекста ИК в совокупности с РК реализуется в виде определенного ЛСВ. Анализ контекстов словоупотреблений позволил распределить их на две сферы: personal life experience (сферу личного опыта) и public interaction experience (сферу общественных отношений).

Сфера личного опыта связана с внутренними, субъективными переживаниями человека. В рамках этой сферы мы выделили два типа контекста. Первая контекстная группа может быть представлена следующими примерами:

- (1) So wealth doesn't make people happy.
- (2) And I said — for I was permitted to answer — that I had no desire for marriage, but wished to live unwed and happy with my dear brother and no other.
- (3) A drop of scotch during occasional periods of self-criticism helped him to become happy with himself, but most of the time he was happy anyway.

В этих примерах happy указывает на определенное психоэмоциональное состояние, которое носит устойчивый, глубокий характер. Пример 1 представляет собой максимум, свойством которой является обобщение: здесь happy характеризует субъект (people) не в конкретной ситуации, а в экзистенциальном плане. В примере 2 это выражено

посредством словосочетания «wished to live unwed and happy»: признак happy рассматривается, таким образом, на продолжительном временном участке. Более эксплицитно это представлено в примере 3 за счет противопоставления «occasional periods» и «most of the time». На этом примере видно, что слово happy может сигнализировать о наличии устойчивого состояния, которое не подвержено влиянию со стороны незначительных внешних факторов.

В примерах этой контекстной группы также прослеживается следующая особенность ИК, отмеченная нами в разделе 2.2.1.: для появления признака happy важны не столько благоприятные обстоятельства, сколько их соответствие внутренним потребностям субъекта. Это хорошо заметно в примере 2, где состояние, описываемое признаками «unwed and happy», противопоставлено состоянию «married», которое обычно связывают с признаком happy; о конфликте между бытующим представлением и внутренними потребностями субъекта свидетельствуют маркеры «for I was permitted to answer», «I had no desire...but wished». Также следует отметить особенность РК, характерную для прилагательного happy в таком типе контекста: как правило, оно употребляется предикативно и без предложного дополнения, указывающего на причину появления признака happy.

На основании вышесказанного, выделенный ЛСВ можно определить следующим образом:

ЛСВ 1. (characteristic of a subject) experiencing a stable feeling of contentment due to the circumstances of life which correspond to one's needs or state of mind.

В следующей контекстной группе представлен ЛСВ, ставший результатом метонимического расширения от ЛСВ 1:

- (1) We wish them a long, healthy and happy retirement.
- (2) Most of these consider feminism a dirty word and aspire to a happy and long-lasting marriage.

Данные примеры относятся к тому же типу контекста, что и примеры первой контекстной группы, т.е. здесь речь идет о стабильном, продолжительном психоэмоциональном состоянии, на что указывают маркеры «long», «long-lasting». Тем не менее, элементы опыта представлены в этих примерах иначе: признак happy характеризует не субъект, а объект. Такое разграничение в семантической структуре прилагательного happy мы отмечали в разделе 2.1. (см. «Learner's definition»: ЛСВ 1a «happy child» – ЛСВ 1b «happy childhood»). На наш взгляд, разграничение по оси «субъект-объект» весьма важно, поскольку оно отражает способность человеческого сознания проецировать эмоциональное состояние субъекта на объект, который также является участником текстовой ситуации.

Таким образом, данный ЛСВ является производным от ЛСВ 1:

ЛСВ 1.1. (characteristic of an object) reflecting a stable feeling of contentment due to suitable circumstances.

Таким образом, ЛСВ 1 и ЛСВ 1.1 относятся к одному типу контекста. Другой тип контекста представлен следующей контекстной группой:

- (1) You will be surprised at how people will respond to you, and their reaction will encourage you to be happy and to continue speaking with 'a smile' in your voice.
- (2) A drop of scotch during occasional periods of self-criticism helped him to become happy with himself, but most of the time he was happy anyway.
- (3) And she put her arms round his neck and laid her head on his shoulder, quite happy.
- (4) She felt angry, indignant, yet disturbingly, soaringly excited and happy, all rolled bewilderingly into one.

В данном случае знак happy фиксирует кратковременную реакцию субъекта на определенные свойства его окружения, при этом психоэмоциональное переживание оказывается более интенсивным, чем в случае с ЛСВ 1. На это указывают следующие маркеры: «surprised», «respond», «reaction will encourage you», «smile», «occasional periods», «soaringly excited». Особенно показательным является пример 2, уже рассмотренный нами выше, поскольку в нем представлены оба случая: в первой части предложения признак happy носит временный характер, а во

второй – стабильный. Помимо маркеров времени на ситуативный характер признака *happy* в первой части предложения указывает также предложное дополнение, что говорит о несколько иной структуре РК прилагательного *happy* в таком типе контекста.

Кроме того, для данного типа контекста в большей степени характерны сочетания *happy* с наречиями, указывающими на интенсивность признака, как в примере 3 («quite happy»). В примере 4 высокая степень признака *happy* передается с помощью наречия *soaringly*; этот пример свидетельствует также о том, что этот кратковременный признак может появляться в сочетании с рядом других, в том числе негативных эмоций («angry», «indignant», «disturbingly»).

Таким образом, в данной контекстной группе представлен основной ЛСВ 2 прилагательного *happy*, который так же, как ЛСВ 1, характеризует субъект с точки зрения его личных переживаний, однако интенсивность и продолжительность переживания в каждом случае различны. Эти ЛСВ находятся в отношениях функциональной аналогии: ЛСВ 1 дает субъекту экзистенциальную характеристику, ЛСВ 2 – ситуативную. Определение ЛСВ 2 выглядит следующим образом:

ЛСВ 2. (characteristic of a subject) experiencing a relatively short-term intensive feeling of delight or contentment due to particular circumstances.

Производным по отношению к ЛСВ 2 является ЛСВ 2.1, который возник в результате метонимического расширения по оси «субъект-объект» в рамках того же типа контекста:

- (1) The next half-hour or so passed quietly but for the sound of happy munching and quaffing.
- (2) Any photo or object which can instantly remind you of a particular event, place, or happy feeling can be used to switch your attention to focus on this pleasant scenario.

На ситуативную природу признака *happy* в этих примерах указывают следующие маркеры: «next half-hour», «instantly», «particular», «to switch your attention», «to focus on this pleasant scenario». Вместе с тем, данный ЛСВ является характеристикой объекта:

ЛСВ 2.1. (characteristic of an object) reflecting a relatively short-term intensive feeling of delight or contentment in particular circumstances.

Итак, рассмотренные выше основные ЛСВ 1 и 2 (а также соответствующие им производные ЛСВ) отличаются тем, что ЛСВ 1 носит экзистенциальный характер, а ЛСВ 2 – ситуативный. Отметим, что имплицитно подобные варианты значения (1.а и 1.с) различались в разделе «Learner's definition» из словаря «Merriam Webster Dictionary» (см. раздел 2.1.), однако не были соотнесены друг с другом. Четыре выделенных нами ЛСВ мы объединили в сферу личного опыта. Как отмечалось выше, прилагательное happy может являться элементом качественно иной сферы опыта – **сферы общественных отношений** (public interactions experience). Данная сфера характеризуется взаимодействием субъектов друг с другом, в результате которого возникают определенные ожидания относительно контакта с другими людьми или социальными институтами и, следовательно, оценка этого контакта с точки зрения его соответствия этим ожиданиям.

Первая выделенная нами контекстная группа в рамках этой сферы может быть представлена следующими примерами:

- (1) My customers are generally happy with my services and that makes me feel proud.?’
- (2) If you are not happy with the response you receive you should use this leaflet, or write a letter to the Head of Service Quality Development at the Freepost address shown on the leaflet.
- (3) [they] were very happy with their computerised telephone, and decided that what Hallery House needed next was a front of house package which would be equally helpful to both themselves and their guests, and take the hard work out of record keeping and marketing.

В данном случае речь идет не о личных, а о формальных отношениях, которые носят утилитарный характер и связаны с оказанием услуг или предоставлением товаров (например, маркеры «customers», «services», «marketing»). В таком типе контекста знак happy указывает на положительную оценку субъектом полученных товаров и услуг, что выражено и посредством РК: happy используется в сочетании с предлогом with, после которого следует указание на объект, который оценивается. Напомним, что такой тип контекста был представлен только в словаре

«Oxford Dictionary»: «1.2. (happy with) Satisfied with the quality or standard of», хотя сфера опыта в дефиниции не уточняется. Слова «satisfied», «quality», «standard» говорят о наличии определенных ожиданий, оценки.

Стоит отметить, что субъект в таком типе контекста часто обозначен именно как «customer» (пример 1) или представлен как организация, фирма (пример 3), что подчеркивает формальность отношений. Из примера 3 видно, что предоставленная услуга значительно облегчит работу сотрудников фирмы. Иными словами, объект оценивается положительно в связи с тем, что он способствует аккомодации субъекта к своему окружению:

ЛСВ 3. (characteristic of a subject) satisfied and content with a service or article provided or task performed as it facilitates one's accommodation to the environment.

Другой тип контекста в сфере общественных отношений представлен следующими примерами:

- (1) The police said: 'We were happy to help.'
- (2) [...] our specially trained staff are always happy to help.
- (3) In addition, some libraries will be happy to help you with a list of local agencies or specialist agencies [...]
- (4) Most officers will be happy to help and provide you with the necessary information.

Прежде всего, в этих примерах слово happy является частью инфинитивной конструкции «happy + infinitive», что говорит об особенностях РК в таком типе контекста. Знак happy сигнализирует здесь о готовности субъекта выполнить определенное действие в рамках общественных отношений (оказать предлагаемые услуги, исполнить свои профессиональные обязанности), причем действие направлено на другого участника ситуации. Подобный вариант значения отмечался нами при анализе примеров к дефиниции «1.3. [with infinitive] Willing to do something: *we will be happy to advise you*» из словаря «Oxford Dictionary» (см. раздел 2.1.). Однако в словаре нет указания на сферу опыта; вместе с тем контексты показывают, что в данном случае прилагательное happy не предполагает личного переживания, и субъект часто определяется с точки зрения его

профессиональных обязанностей: «police», «specially trained staff», «libraries», «officers». В данном случае инфинитивная конструкция с happy является скорее формой вежливости и действительно имеет черты перформативности, которые отмечает Р. Голриц (см. раздел 1.3.), в том смысле, что признак happy появляется у субъекта при совершении указанного действия. Однако исследователь также не уточняет сферу опыта; на наш взгляд, в данном типе контекста действие субъекта направлено на то, чтобы помочь другому участнику ситуации. Связь с ИК проявляется в том, что такое взаимодействие позволяет субъекту установить соответствие между своими обязанностями и их реализацией на практике:

ЛСВ 4. (characteristic of a subject) ready and willing to perform one's duties, render a service or fulfill an official task aimed at helping someone.

Следующие примеры демонстрируют другой тип контекста:

- (1) The company, which has already dipped its toe into the end-user market with firms such as the Bank of Montreal, Library of Congress, Equitable Life and Safeway, would be happy to win just five to ten large SNA accounts over the next year.
- (2) Industrialists were also happy to see an expansion of state and therefore bureaucratic intervention to provide themselves with protection against foreign imports and their relatives with employment opportunities.
- (3) 'We are opening up our store, and would be very happy to talk to them.'
- (4) Said his co-boss Curbishley: 'I was a bit disappointed when Lennie Lawrence at Middlesbrough didn't come up with the price we'd fixed but I'm happy the lad is still here.'

Данные примеры употребления happy также связаны с межличностным взаимодействием, в частности в рамках деловых, профессиональных, общественно-политических отношений. Об этом свидетельствуют маркеры «market», «firms», «accounts», «expansion of state», «foreign imports», «employment», «store», «price»; субъект часто обозначен в соответствии со своей общественной ролью: «company», «industrialists», «co-boss». Знак happy, с одной стороны, сигнализирует о наличии благоприятных для субъекта условий, а с другой – о желании самого субъекта воспользоваться представившейся возможностью в соответствующей сфере деятельности

(например, «to win large accounts», «to provide with protection/employment opportunities»).

С точки зрения ИК, в этом типе контекста действие направлено не на то, чтобы помочь другому субъекту, как в случае ЛСВ 4, а на то, чтобы получить выгоду самому. С точки зрения РК, сочетаемость happy не ограничивается инфинитивной конструкцией – в примере 4 за прилагательным happy следует дополнительное придаточное предложение. Кроме того, при анализе словарной статьи из «Oxford Dictionary» мы отмечали значение «1.1. (happy about) Having a sense of trust and confidence in (a person, arrangement, or situation): he was not happy about the proposals». Эта дефиниция и приведенные в словаре примеры относятся к сфере общественных отношений и, на наш взгляд, представляют тот же тип контекста, что и группа примеров, рассмотренных выше. Следовательно, в этом типе контекста РК допускает употребление happy с предлогом about.

Отметим, что пример 4 и отчасти пример 3 указывают на то, что общественные отношения в этом типе контекста не обязательно предполагают строго формальную обстановку: речь может идти о межличностном общении, которое не предполагает, однако, внутреннего переживания, характерного для ЛСВ из сферы личного опыта. В связи с этим данный ЛСВ мы определим следующим образом:

ЛСВ 5. (characteristic of a subject) content with an opportunity or favorable circumstances which allow one to get some advantage or benefit.

В рамках этого же типа контекста мы выделили ЛСВ, производный от ЛСВ 5, который представлен следующими примерами:

- (1) This happy state of affairs happens, mainly I believe, when two conditions are satisfied.
- (2) [...] ministers took to claiming that their release from the disciplines of the Exchange Rate Mechanism afforded a happy opportunity to pursue a fresh strategy aimed at economic recovery and the creation of jobs.
- (3) Viable recycling depends on a happy coincidence of materials costs, labour costs and technology.
- (4) For many pensioner couples, this should have the happy result of reducing their tax liability.

(5)She never really enjoyed teaching and is now, by a happy chance, employed as a social worker for the elderly, 'very much involved with organising community care'.

(6)He had the happy knack for a politician of making friends, not enemies of those who disagreed with him.

В этих примерах *happy* обозначает способность объекта обладать свойством, которое состоит в том, что данный объект сигнализирует о наличии благоприятной обстановки (маркеры «conditions are satisfied», «economic recovery», «creation of jobs», «viable») или помогает избежать каких-либо негативных факторов, нежелательных последствий, как в примерах 4-6 («reducing tax liability»; «never really enjoyed» – «now...very much involved»; «making friends, not enemies»). Отметим, что в этом типе контекста объединены варианты значения, которые в словарях (за исключением «Oxford Dictionary») рассматриваются как отдельные: с одной стороны, «happy coincidence» в значении «fortunate», с другой – «happy choice», «happy turn of phrase» в значении «fitting, felicitous» (см. раздел 2.1.). На наш взгляд, выделение двух значений в рамках одного типа контекста связано с тем, что словари в большей степени ориентируются на семантику того слова, которое определяется прилагательным *happy*, а не на роль знака в моделировании комплексной текстовой ситуации. Выделенный нами ЛСВ мы определили следующим образом:

ЛСВ 5.1. (characteristic of an object) assessed as advantageous as it indicates favorable circumstances or helps to avoid obstacles.

Таким образом, рассмотренные выше основные ЛСВ 3, 4, 5 и производный ЛСВ 5.1. относятся к сфере общественных отношений. Как уже отмечалось, эта сфера характеризуется оценкой, которая возникает в результате ожиданий субъекта относительно взаимодействия с другими субъектами: оценка может быть как положительной, так и отрицательной. На наш взгляд, отрицательная оценка может выражаться не только через отрицание наличия признака *happy* (*not happy, unhappy*), но, вероятно, может выражаться посредством самого знака *happy*.

Так при анализе словарных статей мы выделили модель X-happy, которая относится к отрицательному опыту. Стоит отметить, что приведенные в словарях примеры («money-happy», «clothes-happy», «punch-happy» и др.) не встречаются в BNC. Единственным исключением является языковая единица «trigger-happy» (всего 23 примера употребления, которые включают как фрагменты из художественной литературы, так и газетные статьи):

- (1) [...] a trigger-happy corporal put a bullet into his head on the spot.
- (2) [...] A debate even begins about whether the army is not getting a little trigger-happy in its nervous and no doubt terrified tension.
- (3) [...] Mr Reagan was widely denounced as a trigger-happy warmonger.
- (4) than Beirut and about as safe as a saunter through an Iraqi minefield. A trigger-happy city where children as young as 10 roam the streets brandishing Kalashnikovs.

В приведенных примерах ясно прослеживается отрицательный опыт: «nervous», «terrified tension», «denounced», «warmonger», «brandishing Kalashnikovs» и т.д. Стоит отметить, что данная контекстная группа неоднородна: в примерах 1, 2 и 4 описывается ситуация, в которой есть огнестрельное оружие и субъект, который этим оружием злоупотребляет; пример 3 в этом смысле предполагает несколько иную ситуацию, поскольку субъект использует оружие не самолично, но агитирует других к военным действиям. Более того, в примере 4 языковая единица «trigger-happy» характеризует объект: данное значение представляет собой метонимическое расширение в том же типе контекста, что представлен в примерах 1 и 2, т.е. объект «city» наделяется признаком «trigger-happy» на основании такого же признака у субъекта «children brandishing Kalashnikovs».

В поисковой системе Google мы также обнаружили несколько случаев употребления языковой единицы «money-happy», например:

- (1) [they are] like little cows that are money happy but knowledge deprived.
- (2) Many people and places sell things and do things they are not supposed to sell or do. People are money happy and will do almost anything to make money.

На резко негативную оценку в этих примерах указывают следующие маркеры: «like little cows», «knowledge deprived», «not supposed», «will do

almost anything to make money». Все найденные нами словоупотребления «money-happy» обозначают признак субъекта.

В целом контексты с моделью «X-happy» свидетельствуют о том, что компонент happy указывает на чрезмерное проявление признака happy по отношению к чему-либо, причем чрезмерность, вероятно, возникает на фоне общепринятых представлений. В связи с этим мы можем предположить, что такая модель формируется именно в рамках общественных отношений. Однако нужно отметить, что сама логика построения значения языковых единиц «trigger-happy» и «money-happy» различна; в общих чертах ее можно представить следующим образом: «trigger-happy – inclined to pull the trigger in any situation»; «money-happy – obsessed with money». Также стоит учитывать, что в контекстах «trigger-happy» выделяется несколько значений. В этой связи данные языковые единицы, следует рассматривать в качестве сложных слов, значение которых мотивировано обоими компонентами, образующими слово. Вероятно, поэтому они не включены в раздел «Learner's definition» из словаря «Merriam Webster Dictionary». При составлении модели полисемии мы не будем рассматривать подобные языковые единицы.

Таким образом, на материале, взятом из BNC, мы выделили ряд ЛСВ прилагательного happy, которые функционируют в сфере повседневного общения. Данные ЛСВ мы представили в виде модели полисемии (см. Приложение 1). Семантическая структура прилагательного happy не ограничивается данными ЛСВ: как было отмечено в разделе 1.1.3., природа явления полисемии предполагает возможность вхождения слова во все необходимые для языкового сознания контексты – за счет вариативности РК и конкретизации ИК. В следующем разделе мы постараемся выделить некоторые ЛСВ слова happy, функционирующие в специализированных текстах.

2.3. Анализ семантической структуры прилагательного happy и его производных в специализированных текстах

Как отмечалось в разделах 1.2.–1.3., в настоящее время прилагательное happy и его производные широко используются не только в сфере повседневного общения, но и в научно-практической сфере. В настоящем разделе мы рассмотрим случаи употребления данных лексем в специализированных текстах (см. раздел 1.2.1), уделяя внимание особенностям ИК и РК. Поскольку специализированный текст является единицей коммуникации в той или иной области специальных знаний, особенности ИК и РК в таком типе текста обусловлены спецификой конкретной области знания. Рассмотрим основные области научно-практической сферы, в которых используются happy и его производные.

2.3.1. Употребление прилагательного happy и его производных в области психологии

Прежде всего, знаки happy и happiness используются в области психологии, поскольку они обозначают определенное психоэмоциональное состояние, которое исследуется специалистами данной области как свойство или как объект соответственно. К этому типу контекста примыкают также другие области медицины, в которых учитывается психоэмоциональное состояние пациента.

2.3.1.1. Употребление прилагательного happy в области психологии: психологические тесты и опросники

Переходным типом контекста, соединяющим сферу повседневного общения и сферу научного дискурса, можно считать такой тип специализированного текста, как медицинский опросный документ, описанный как отдельный тип текста С. В. Кудря (см. раздел 1.3.). Как было отмечено в теоретической главе, данный тип текста ориентирован одновременно и на пациента, и на врача, поэтому в опросниках лексемы happy и happiness, с одной стороны, должны быть понятны пациенту, т.е.

использоваться в своих «повседневных» значениях, рассмотренных нами в предыдущем разделе; с другой стороны, они обозначают специализированные научные понятия, что приводит к изменениям РК этих слов и влияет на характер преломления ИК. Мы проанализировали несколько психологических тестов и опросников и выявили ряд особенностей в семантической структуре прилагательного happy в таком типе текста.

В первую очередь внимание на себя обращают оценочные шкалы, в построении которых задействовано прилагательное happy. В этих шкалах производится градация признака happy по интенсивности, что было отмечено С. В. Кудря. Показательной в этом отношении является шкала результатов психологического онлайн-теста «the Oxford Happiness Questionnaire»:

«Not happy» – «Somewhat unhappy» – «Neutral – not really happy or unhappy» – «Somewhat happy or moderately happy – satisfied» – «Rather happy; pretty happy» – «Very happy» – «Too happy»

Данная шкала представляет собой попытку точно измерить интенсивность признака happy, в результате чего появляются нетипичные для сферы повседневного общения словосочетания. В опроснике «The General Well-Being Schedule» (см. Приложение 2) встречаются также словосочетания «extremely happy», «fairly happy», «fairly unhappy». С помощью BNC мы проверили частотность сочетаний прилагательного happy и производного от него прилагательного unhappy с подобными наречиями. Ниже дана сводная таблица полученных результатов:

Таблица 1. Общее число сочетаний прилагательных happy и unhappy с наречиями в BNC

Словосочетание	Общее число употреблений в BNC
very happy	725
too happy	186
extremely happy	24
fairly happy	12
pretty happy	11

rather happy	3
moderately happy	1
somewhat unhappy	1
somewhat happy	0
fairly unhappy	0

Результаты показывают, что некоторые словосочетания являются достаточно употребительными, другие встречаются крайне редко или не встречаются вовсе. Это свидетельствует о том, что разработчики измерительных шкал задействуют всевозможные ресурсы английского языка, в том числе комбинируют языковые репрезентации, моделирующие ситуации в разных функциональных сферах, чтобы создать как можно более дробную шкалу измерения признака happy. Например, словосочетание «very happy» используется в самых разных функциональных стилях (разговорном, газетно-журнальном и т.д.), а примеры с «moderately happy» и «somewhat unhappy» взяты из специализированных текстов. Следовательно, признак happy обладает способностью к градуированию по интенсивности, однако в специализированных текстах эта способность проявляется в большей степени, поскольку данный признак мыслится как показатель, который можно измерить. Так, в тесте «the Oxford Happiness Questionnaire» на попытку измерить признак happy указывают маркеры «a scale stretching from», «this is what the average person scores» – последний маркер говорит также о наличии определенной нормы, стандарта. В предыдущем разделе мы выяснили, что норма и оценка возникают в сфере общественных отношений. Из этого мы можем сделать вывод о том, что психологические тесты и опросники измеряют признак happy, который относится к сфере личного опыта, но вместе с тем производят измерение в соответствии с определенными нормами, характерными для сферы общественных отношений. Таким образом, специалисты в области психологии фактически пытаются наложить одну сферу опыта на другую.

Такое совмещение двух сфер опыта влияет на сочетаемость прилагательного *happy* не только с наречиями, но и с другими частями речи. Это видно на следующем примере из опросника «The General Well-Being Schedule»: «How happy, satisfied, or pleased have you been with your personal life during the past month?» В этом вопросе на личные, субъективные переживания («your personal life») накладывается оценка, которая выражена посредством прилагательных *satisfied*, *pleased*, а также прилагательного *happy*, которое употребляется с предлогом *with*, что наиболее типично для ЛСВ 3, выделенного нами в рамках сферы общественных отношений. Более того, вторая часть вопроса представлена в виде шкалы, которая построена с помощью указанных прилагательных. Таким образом, знаки *happy*, *satisfied*, *pleased* рассматриваются здесь как синонимы.

С другой стороны, как отмечает С. В. Кудря, антонимами *happy* в опросниках являются прилагательные *sad* и *depressed*; К. Годдард полагает, что слово *sad* является антонимом прилагательного *happy* в том случае, когда *happy* обозначает личное эмоциональное переживание, а не рациональное его осмысление. Напомним, что и К. Годдард, и Р. Голриц указывают на то, что такое рациональное осмысление переживания выражается именно сочетанием «*happy with*» (см. раздел 1.3.). К. Годдард также отмечает, что в таком значении *happy* обычно используется с глаголом «*to be*», а в значении, указывающим на эмоциональное состояние – с глаголом «*to feel*». Однако проведенный нами анализ показал, что в опросниках чаще всего употребляется сочетание «*to be happy*», хотя слова *sad* и *depressed* употребляются с глаголом «*to feel*», например ряд вопросов: «6. I felt depressed» – «12. I was happy» – «18. I felt sad» (см. Приложение 3).

Таким образом, антонимы *sad*, *depressed* и ряд других маркеров сигнализируют о сфере личного опыта, синонимы *satisfied*, *pleased* и особенности РК – о сфере общественных отношений. Можно предположить, что специалисты в области психологии используют знак *happy* таким образом, что категориальные комплексы отдельных ЛСВ, функционирующих

в рамках повседневного общения, начинают перемешиваться, фактически сводя знак *happy* к его ИК, на которую наложена РК «признак субъекта». Данное предположение требует более тщательного анализа семантической структуры *happy* в специализированных текстах.

2.3.1.2. Употребление существительного *happiness* в области психологии

Центральное место в исследованиях психологов занимает не признак *happy*, а объект *happiness*. В области психологии даже сложилось отдельное направление «*happiness research*» (см. *Rate Your Happiness*). Вместе с тем напомним, что слова *happy* и *happiness* обладают общей ИК, однако категориальные комплексы скомбинированы в значении данных слов по-разному. В этой связи интересно посмотреть, в чем проявляются сходства и различия в категориальном составе знаков *happy* и *happiness* при их функционировании в специализированных текстах.

Как было отмечено в разделах 1.3. и 2.1., в словарях значение существительного *happiness* в целом определяется через прилагательное *happy*, т.е. понимается как «*the state of being happy*». Тем не менее, в специализированных текстах соотношение знаков *happy* и *happiness* носит, на наш взгляд, более сложный характер. Например, тест «*the Oxford Happiness Questionnaire*», с помощью которого можно измерить «*happiness*», состоит из 29 утверждений, одно из которых сформулировано следующим образом: «*I am very happy*». В этих утверждениях зафиксированы факторы, влияющие на степень выраженности состояния *happiness*; следовательно, наличие признака *happy* является не единственным условием появления объекта *happiness*. Сам факт того, что для определения уровня *happiness* необходимо согласиться или не согласиться с 29 утверждениями, ответы на которые градуированы («*strongly/moderately/slightly (dis)agree*»), говорит о достаточно сложном, многоаспектном представлении о данном объекте исследований.

Вместе с тем маркеры «*measures*», «*to increase happiness*», «*an ideal level of happiness*» говорят о том, что объект *happiness* так же, как признак *happy*, может быть представлен в виде некой протяженности. Последний маркер

указывает на то, что для этого психоэмоционального состояния установлена норма, определен некий «идеальный уровень» – аналогичную особенность мы отмечаем у признака *happy*. Наличие нормы приводит к появлению оценки: то, что соответствует норме, оценивается положительно; то, что не соответствует – отрицательно. Признак *happy* воспринимается как элемент негативного опыта при чрезмерном его проявлении и маркируется с помощью наречия *too*: «*being too happy may be associated with poorer performance*» («*the Oxford Happiness Questionnaire*»). Как правило, чрезмерно высокий уровень *happiness* также выражается посредством словосочетания «*too happy*», что говорит о наличии достаточно тесной семантической связи между знаками *happy* и *happiness* (притом, что значение *happiness* не сводится к формуле «*being happy*», как было отмечено выше). В отдельных случаях знак *happiness* также может участвовать в моделировании комплексных текстовых ситуаций, связанных с негативным опытом. Так, в исследованиях психических расстройств, с одной стороны, выделяется состояние «*the normal happiness*», с другой – нежелательное отклонение от этой нормы, которое характеризуется как «*persistent and abnormally good mood*» и обозначается терминами «*elation*», «*euphoria*» (см. Приложение 4). На основании этого можно предположить, что такое отклонение в противоположность «*the normal happiness*» рассматривается как «*abnormal happiness*».

Систематическое употребление существительного *happiness* и прилагательного *happy* наряду с принятыми в психологии терминами приводит к тому, что эти слова начинают закрепляться в качестве терминов (см. раздел 1.3.). Кроме того, как объект исследований *happiness* предполагает наличие некоторого определения, позволяющего использовать данный знак как термин. На данный момент такого устойчивого терминологического значения за словом *happiness* не закрепилось, однако в различных исследованиях в области не только психологии, но и ряда других смежных дисциплин (в социологии, культурологии, межкультурных исследованиях

ценностей) знак happiness часто пытаются определить как термин. Можно предположить, что на данный момент в области научного дискурса этот знак существует как предтермин, обозначающий формирующееся научное понятие (см. раздел 1.2.2.).

Так, в психологическом тесте «the Oxford Happiness Questionnaire» слово happiness представлено как синоним термина: «subjective wellbeing (aka happiness)». В других областях знаний это слово может использоваться иначе: «The word 'happiness' is used in various ways. In the widest sense it is an umbrella term for all that is good. In this meaning it is used interchangeably with terms like 'wellbeing' or 'quality of life' and denotes both individual and social welfare. The word is also used more specifically to denote subjective appreciation of life» (Veenhoven 2012: 21). Иными словами, в специализированных текстах существительное happiness используется несистематично: оно может употребляться в качестве термина, например, для обозначения «subjective appreciation of life», или выступать в качестве синонима по отношению к уже устоявшимся терминам, таким как «wellbeing», «quality of life»; в то же время happiness может обозначать любой объект, который относится к положительному опыту – «it is an umbrella term for all that is good». Все это затрудняет определение лексикографического статуса happiness в специализированных текстах.

Стоит также обратить внимание на следующую формулировку из приведенной выше цитаты: «happiness denotes both individual and social welfare». Здесь эксплицитно выражена идея о том, что в специализированных текстах сфера личного опыта и сфера общественных отношений совмещаются в значении существительного happiness – аналогичную особенность мы уже отметили при анализе семантической структуры прилагательного happy. Именно поэтому в специализированных текстах и признак happy, и объект happiness обладают способностью к градуированию, при этом степень их выраженности оценивается с точки зрения определенной

нормы. Все это также можно считать проявлением терминологических черт у данных языковых единиц.

2.3.3. Употребление прилагательного happy и его производных в других областях научно-практической сферы

Прилагательное happy и его производные, в частности – существительное happiness, используются не только в психологии, но и в некоторых других областях, в том числе междисциплинарных. Помимо социологии и культурологии, можно также выделить политику и экономику. Так, в дипломатической резолюции ООН 65/309 «Happiness: towards a holistic approach to development» существительное happiness употребляется наряду с термином «well-being». Стоит отметить, что эта резолюция представляет собой официальный переводоориентированный документ (Смирнова 2000: 133-140), т.е. теоретически знак happiness должен интерпретироваться представителями разных лингвокультур одинаково. Поскольку в тексте резолюции нет определения happiness, нужно полагать, что данное слово используется здесь в качестве термина (Кудря, Бутакова 2016: 67-68).

В соответствии с принятой ООН резолюцией ежегодно выходит доклад «World Happiness Report»; на сайте, посвященном этому докладу, указывается следующее: «happiness is considered to be the proper measure of social progress and the goal of public policy», т.е. основной акцент в структуре значения happiness делается на сферу общественных отношений (см. World Happiness Report). Отметим, что появление слова happiness в официальных документах имеет давнюю традицию: стоит упомянуть Декларацию независимости США (1776), в которой была сформулирована знаковая для американской культуры формула «Life, Liberty and the pursuit of Happiness».

В области экономики существительное happiness употребляется наряду с такими терминами как «economic welfare», «national economic well being». Более того, в данной области был сформулирован такой показатель как «happiness index», в связи с которым говорится об особом виде объекта

happiness – «economic happiness» (см. GDP and Happiness). Некоторые специалисты даже выделяют новое направление в экономике, называемое «happiness economics» (см. Happiness economics). Кроме того, существует проект под названием «Happy Planet Index», посвященный определению уровня благосостояния разных стран. Не только в названии, но и в описании этого проекта задействовано прилагательное happy: «The Happy Planet Index measures what matters: sustainable wellbeing for all. It tells us how well nations are doing at achieving long, happy, sustainable lives».

Другой областью, в которой все чаще используется прилагательное happy, является урбанистика. В текстах, посвященных обустройству городского пространства, встречаются словосочетания «happy city», «happy design». Это связано с тем, что сегодня в градостроительстве учитываются данные, полученные психологами: «The way we design buildings, neighbourhoods and cities has a profound effect on health and happiness» (см. Happy City). Функционирование слова happy в таком типе контекста требует более тщательного рассмотрения: с одной стороны, речь идет о сфере личного опыта («Our cities influence the way we [...] feel»); с другой стороны, happy может использоваться в значении, близком к выделенному нами ЛСВ 5.1 в том смысле, что «happy city», «happy design» – это такие объекты, которые способствуют аккомодации субъекта к своему окружению, т.е. к городской среде.

Отдельно стоит рассмотреть употребление прилагательного happy и его производных в области управления и педагогики, где полученные в результате психологических исследований данные активно используются для повышения эффективности рабочего процесса или процесса обучения соответственно.

В области педагогики встречаются следующие словосочетания: «happy students», «happy, motivated student», «happy straight-A student» (характеристика субъекта); «happy classroom» (характеристика объекта). В таком типе контекста знак happy моделирует ситуацию, которая

характеризуется наличием условий, благоприятных для осуществления определенной деятельности в рамках общественных отношений. На это указывают маркеры «academic success and fulfillment», «achievements», «feel more comfortable in class», «learn better» и т.д. (см. «happy students»).

В области управления встречаются следующие словосочетания: «happy manager», «happy and productive employees», «happy workers» (характеристика субъекта); «happy, productive workplace», «happy office» (характеристика объекта). В данном случае знак happy по сути моделирует такую же ситуацию, как и в области педагогики, о чем говорят следующие маркеры: «success», «improve working life», «more successful at work», «perform better» и т.д. (см. «happy office»).

Напомним, что подобный тип контекста выделялся в словаре «Merriam Webster Dictionary»: «3 d. having or marked by an atmosphere of good fellowship: friendly <a happy office>». Однако значение прилагательного happy в области управления связано не только с элементом опыта «atmosphere of good fellowship». Словоупотребления happy в этой области, а также в области педагогики представляют, на наш взгляд, один тип контекста, в рамках которого мы можем выделить основной и производный от него ЛСВ:

a. *(characteristic of a subject) satisfied with the settings which are well-adapted for a particular activity and therefore productive*

b. *(characteristic of an object) being well-adapted for a particular activity, and causing satisfaction and better output*

Отметим, что здесь также наблюдается совмещение сферы личного опыта и сферы общественных отношений: признак happy характеризует внутреннее состояние субъекта, однако значимость этого состояния определяется способностью субъекта эффективно исполнять свои обязанности в рамках общественных отношений. Именно поэтому субъект в таком типе контекста обозначен в соответствии с его обязанностями – «student», «manager», «worker».

Таким образом, прилагательное *happy* и его производные входят в новые типы контекста, в которых ИК и РК данных слов проявляют себя иначе, чем в сфере повседневного общения. Стоит отметить, что сегодня, по всей видимости, происходит еще один интересный процесс, связанный с тем, что знаки *happy* и *happiness* эксплуатируются в рекламе, в СМИ, в интернете, а также с тем, что психология активно внедряется в различные сферы жизни. Все это приводит к тому, что некоторые исследователи определяют как «culture's happiness obsession» (см. *Forcing Positive Thinking*).

На наш взгляд, многие люди начинают ощущать, что на сферу их личного опыта, на их субъективные переживания накладываются нормы и стандарты, выработанные в рамках общественных отношений, причем предполагается, что люди должны соответствовать этим нормам. В результате знаки *happy* и *happiness* в определенных ситуациях могут восприниматься как элементы негативного опыта. Показательными в этом отношении являются следующие рассуждения видеоблогера из Великобритании о таком явлении как «forced positivity» в виртуальном пространстве сайта YouTube (см. *Forced Positivity*):

«Forced positivity is a very general topic – it can be applied to many aspects of life. [...] It's [YouTube] no longer a private and personal medium. [...] The idea that everyone has to be very positive and upbeat and optimistic all the time [...] that you have to change something about yourself to fit in or appeal to other people [...] you have to constantly be happy. [...] so much happiness, and advertising, product placements [...]...I felt like I was witnessing a very crafted feed, it didn't feel like real life to me. [...] It's this ideal that you have to constantly be doing something called "be happy" [...] If you aren't happy, lots of people don't want to be associated with you [...] I didn't feel I fit in. [...] I'm sort of using the term happy loosely – happy, optimistic, positive, successful. [...] if everything was positive and happy all the time, than we wouldn't really understand what happiness is».

В данном случае знаки *happy* и *happiness* моделируют комплексную текстовую ситуацию, которая связана с негативным опытом: они воспринимаются как нечто искусственное, навязываемое извне, на что указывают маркеры «forced», «you have to change something about yourself», «very crafted», «something called “be happy”». Вместе с тем прилагательное *happy* рассматривается здесь как синоним слов *positive*, *optimistic*, *successful* – заложенная в основе значения ИК, которая относится к положительному

опыту, таким образом, сохраняется. Кроме того, в приведенном фрагменте имеются маркеры, указывающие на то, что признак happy связан с аккомодацией субъекта в обществе: «to fit in», «appeal to other people». Однако этот же признак одновременно рассматривается в значении, соответствующем выделенному нами ЛСВ 1, на что указывают маркеры «private and personal», «all the time», «change something about yourself», т.е. речь идет о сфере личного опыта. По всей видимости, знак happy воспринимается в этом контексте как элемент негативного опыта в результате рефлексии субъекта – это его ответная реакция на проникновение в сферу его личного опыта. С другой стороны, в этом же фрагменте знак happiness представлен как элемент положительного опыта: «we wouldn't really understand what happiness is». В данном случае happiness воспринимается как нечто подлинное, относящееся к ситуации «real life».

Способность знака happy служить обозначением институционально установленной нормы в разных функциональных сферах служит для нас еще одним аргументом в пользу того, что данный знак приобретает терминологические черты.

Выводы к главе 2

Анализ словарных дефиниций прилагательного happy, а также изучение семантической структуры слова happy и его производных при их функционировании в текстах разных типов позволяют сделать следующие выводы:

1. Категориальный комплекс, закрепленный в значении прилагательного happy, представлен в словарях по-разному: одни ЛСВ в целом совпадают, другие указаны только в некоторых словарных статьях. В словарях наблюдается тенденция к определению ЛСВ через ряды синонимичных прилагательных, что не проясняет специфику значения happy, а затемняет ее. При выделении ЛСВ практически не учитывается сфера опыта и не проводится различие между обозначением признака субъекта и признака объекта.
2. Интегральная категория (ИК) прилагательного happy представляет собой семантическую базу, которая, с одной стороны, объединяет все ЛСВ happy, с другой стороны – лежит в основе значения всех производных слов. В ИК happy зафиксированы свойства положительного опыта взаимодействия субъекта со своим окружением: этот опыт характеризуется субъективно установленным соответствием между внешними обстоятельствами и внутренними потребностями самого субъекта.
3. В неспециализированных текстах ЛСВ прилагательного happy распределяются на две сферы – сферу личного опыта и сферу общественных отношений. Признак субъекта может проецироваться на объект, при этом тип контекста не меняется, поэтому ЛСВ, характеризующие объект, являются производными. В рамках сферы общественных отношений появляется представление о норме, а также оценка соответствия этой норме.
4. В специализированных текстах отмечается тенденция к совмещению сферы личного опыта и сферы общественных отношений

в структуре значения как прилагательного happy, так и существительного happiness. У этих слов появляются терминологические черты, в том числе: а) способность к градуированию проявляется в значительно большей степени, чем в неспециализированных текстах; б) эти знаки распознаются носителями языка как обозначение институционально установленной нормы в разных функциональных сферах.

5. Прилагательное happy и его производные относятся к положительному опыту, что обусловлено комплексным переживанием, представленным ИК. Тем не менее, в определенных текстовых ситуациях данные слова могут выступать в качестве элементов негативного опыта: это связано с несоответствием некой норме, существующей в рамках общественных отношений.

Заключение

Представленный в настоящей работе анализ словоупотреблений прилагательного happy и его производных в текстах разных типов позволил описать общую структуру значения данного прилагательного и выявить особенности в семантической структуре слов happy, unhappy, happiness.

Функционально-семиотический подход является эффективным и надежным способом раскрытия функциональной природы целостного словесного значения. Используя данный подход к описанию значения прилагательного, мы представили структуру значения happy в виде модели полисемии (см. Приложение 1). Семантическая структура прилагательного happy представляет собой совокупность всех лексико-семантических вариантов (ЛСВ) слова, объединенных общей интегральной категорией, которая заложена в основе значения прилагательного happy и его производных.

Поскольку слово, значение которого представляет собой единство интегральной и родовой категорий, участвует в моделировании комплексных текстовых ситуаций, в настоящем исследовании прилагательное happy и его производные были рассмотрены в текстах разных типов, которые репрезентируют различные сферы опыта. В настоящее время прилагательное happy и его производные широко используются не только в сфере повседневного общения, но в сфере научного дискурса, поэтому анализ семантической структуры этих лексем мы проводили, сопоставляя неспециализированные и специализированные тексты, которые создаются в рамках двух этих сфер соответственно. Применение функционально-семиотического подхода при описании семантической структуры данных языковых единиц в текстах разных типов позволило нам выявить особенности в их семантике, которые не были отмечены ни в рассмотренных нами исследованиях, посвященных лексемам happy и happiness, ни в словарных статьях.

Проведенный нами анализ семантической структуры прилагательного *happy* в неспециализированных текстах (на материале из BNC) показал, что в рамках повседневного общения ЛСВ *happy* распределяются на две принципиально разные сферы – **сферу личного опыта** и **сферу общественных отношений**. В рамках сферы общественных отношений появляется представление о **норме**, а также **оценка соответствия** этой норме. Потенциально это может приводить к тому, что знаки *happy* и *happiness* участвуют в моделировании комплексных текстовых ситуаций, связанных с негативном опытом, хотя интегральная категория этих знаков представляет собой комплексное переживание, обусловленное положительным опытом взаимодействия субъекта со своим окружением.

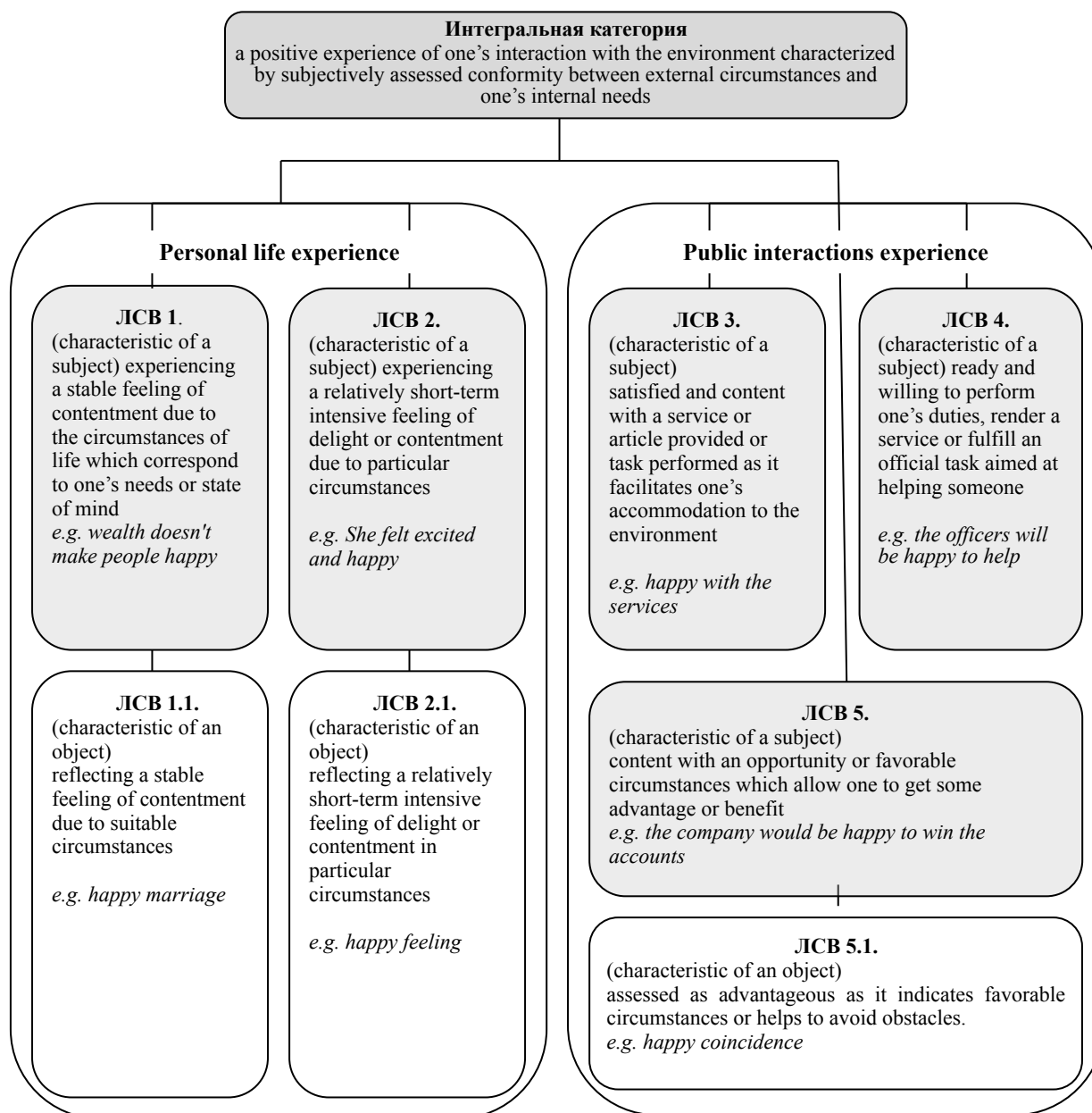
В результате анализа словоупотреблений *happy* и его производных в специализированных текстах мы обнаружили, что в семантической структуре данных лексем возникают черты, нетипичные для словоупотреблений в сфере повседневного общения. В частности, в специализированных текстах наблюдается попытка совместить сферу личного опыта и сферу общественных отношений как в значении прилагательного *happy*, так и в значении существительного *happiness*. В результате у данных лексем возникают терминологические черты: более выраженная способность к градуированию и способность обозначать некую норму, стандарт в самых разных сферах опыта. Однако непоследовательное употребление данных единиц в научной коммуникации пока что не позволяет точно определить их лексикографический статус или описать их терминологическое значение.

В перспективе дальнейшее сопоставление семантической структуры прилагательного *happy* и существительного *happiness* при их функционировании в специализированных и неспециализированных типах текста позволит уточнить, что именно представляет собой знак *happiness* как объект изучения англоязычных специалистов.

Приложение 1

Модель полисемии прилагательного happy, в которой представлены основные ЛСВ, функционирующие в сфере повседневного общения
happy (adj.)

Приложение 2

Фрагмент из опросника «The General Well-Being Schedule»

8. **Were you generally tense or did you feel any tension during the past month?**
(Check one box)
- Yes - extremely tense, most or all of the time 0
Yes - very tense most of the time 1
Not generally tense, but did feel fairly tense several times 2
I felt a little tense a few times 3
My general tension level was quite low 4
I never felt tense or any tension at all 5
9. **How happy, satisfied, or pleased have you been with your personal life during the past month?**
(Check one box)
- Extremely happy - could not have been more satisfied or pleased 5
Very happy most of the time 4
Generally satisfied - pleased 3
Sometimes fairly happy, sometimes fairly unhappy 2
Generally dissatisfied or unhappy 1
Very dissatisfied or unhappy most or all the time 0
10. **Did you feel healthy enough to carry out the things you like to do or had to do during the past month?**
(Check one box)
- Yes - definitely so 5
For the most part 4
Health problems limited me in some important ways 3
I was only healthy enough to take care of myself 2
I needed some help in taking care of myself 1
I needed someone to help me with most or all of the things I had to do 0
11. **Have you felt so sad, discouraged, hopeless, or had so many problems that you wondered if anything was worthwhile during the past month?**
(Check one box)
- Extremely so - to the point that I have just about given up 0
Very much so 1
Quite a bit 2
Some - enough to bother me 3
A little bit 4
Not at all 5

Приложение 3

Фрагмент из опросника «Depression Scale»

Center for Epidemiologic Studies Depression Scale (CES-D, NIMH)

Below is a list of the ways you might have felt or behaved. Please tell me how often you have felt this way in the last week.

	During the Past Week			
	Rarely or none of the time (less than 1 day)	Some or a little of the time (1-2 days)	Occasionally or a moderate amount of time (3-4 days)	Most or all of the time (5-7 days)
1. I was bothered by things that usually don't bother me.	☐	☐	☐	☐
2. I did not feel like eating; my appetite was poor.	☐	☐	☐	☐
3. I felt that I could not shake off the blues even with help from my family or friends.	☐	☐	☐	☐
4. I felt I was just as good as other people.	☐	☐	☐	☐
5. I had trouble keeping my mind on what I was doing.	☐	☐	☐	☐
6. I felt depressed.	☐	☐	☐	☐
7. I felt that everything I did was an effort.	☐	☐	☐	☐
8. I felt hopeful about the future.	☐	☐	☐	☐
9. I thought my life had been a failure.	☐	☐	☐	☐
10. I felt fearful.	☐	☐	☐	☐
11. My sleep was restless.	☐	☐	☐	☐
12. I was happy.	☐	☐	☐	☐
13. I talked less than usual.	☐	☐	☐	☐
14. I felt lonely.	☐	☐	☐	☐
15. People were unfriendly.	☐	☐	☐	☐
16. I enjoyed life.	☐	☐	☐	☐
17. I had crying spells.	☐	☐	☐	☐
18. I felt sad.	☐	☐	☐	☐
19. I felt that people dislike me.	☐	☐	☐	☐
20. I could not get "going".	☐	☐	☐	☐

SCORING: zero for answers in the first column, 1 for answers in the second column, 2 for answers in the third column, 3 for answers in the fourth column. The scoring of positive items is reversed. Possible range of scores is zero to 60, with the higher scores indicating the presence of more symptomatology.

Приложение 4

Фрагмент из опросника «Neuropsychiatric Inventory (NPI): Comprehensive Assessment of Psychology in Patients with Dementia»

F. Elation/Euphoria

(NA)

Does the patient seem too cheerful or too happy for no reason? I don't mean the normal happiness that comes from seeing friends, receiving presents, or spending time with family members. I am asking if the patient has a persistent and abnormally good mood or finds humor where others do not.

NO (If no, proceed to next screening question).   YES (If yes, proceed to subquestions).

1. Does the patient appear to feel too good or to be too happy, different from his/her usual self? _____
2. Does the patient find humor and laugh at things that others do not find funny? _____
3. Does the patient seem to have a childish sense of humor with a tendency to giggle or laugh inappropriately (such as when something unfortunate happens to others)? _____
4. Does the patient tell jokes or make remarks that have little humor for others but seem funny to him/her? _____
5. Does he/she play childish pranks such as pinching or playing "keep away" for the fun of it? _____
6. Does the patient "talk big" or claim to have more abilities or wealth than is true? _____
7. Does the patient show any other signs of feeling too good or being too happy? _____

If the screening question is confirmed, determine the frequency and severity of the elation/ euphoria.

- Frequency:
1. Occasionally - less than once per week.
  2. Often - about once per week.
  3. Frequently - several times per week but less than every day.
  4. Very frequently - essentially continuously present.

- Severity:
1. Mild - elation is notable to friends and family but is not disruptive
  2. Moderate - elation is notably abnormal.
  3. Marked - elation is very pronounced; patient is euphoric and finds nearly everything to be humorous.

- Distress: How emotionally distressing do you find this behavior?
0. Not at all
  1. Minimally
  2. Mildly
  3. Moderately
  4. Severely
  5. Very severely or extremely

Список литературы

1. Анисимова Е.С. Прагматическая ситуация счастья и ее дискурсивная реализация в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2007. – 18 с.
2. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика (Синонимические средства языка). // Избранные труды. Т.1. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Языки русской культуры; Восточная литература, 1995. С. 7
3. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка: учеб. пособие. – М.: Флинта; Наука, 2014. – 376 с.
4. Арнольд И.В. Лексико-семантические категории и образование новых слов. Парадоксы семного состава (К проблеме концептуального аппарата в семасиологии). // Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. – М., 2014. – С. 106-123
5. Арнольд И.В. Полисемия существительного и лексико-грамматические разряды. // Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. – М., 2014. – С. 5-24
6. Боярская Е.Л. Разработка методологии когнитивного анализа многозначного слова. // Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – С. 81-118
7. Валгина Н.С. Теория текста: Учебное пособие. – М.: Логос, 2003. – С. 113
8. Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. // Язык. Семиотика. Культура. – М.: Языки славянских культур, 2011. – С. 549-550
9. Голубкова Е.Е. Использование лингвистических корпусов при решении семантических проблем. // Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – С. 39-80
10. Даниленко В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. – М., 1977. – С. 43-44
11. Заботкина В.И. От интеграционного вызова в когнитивной науке к интегрированной методологии. // Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – С. 15-38
12. Заботкина В.И. Предисловие. // Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – С. 7-14

13. Захаров В.П., Богданова С.Ю. Корпусная лингвистика: учебник для студентов направления «Лингвистика». – 2-е изд., перераб. и дополн. – СПб.: СПбГУ. РИО. Филологический факультет, 2013. – С. 5
14. Зяблова О.А. Принципы исследования языка для специальных целей (на примере языка экономики): автореф. дис. ... д-ра. фил. наук. – М., 2005. – с. 29
15. Карасик В.И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: сб. науч. тр. – Волгоград, Саратов: Перемена, 1998. – С. 190-191
16. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: Гнозис, 2003. – С. 110
17. Кронгауз М.А. Семантика: учебник для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академия, 2005. – С. 107-108
18. Кудря С.В. Дискурсные характеристики англоязычного медицинского опросного инструмента как типа текста: дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2012. – 229 с.
19. Кудря С.В., Бутакова А.М. «Happiness» как объект исследований: семантический анализ прилагательного «happy» и его дериватов в специализированных текстах. // Гуманитарные науки: вопросы и тенденции развития, в. III. Сб. науч. тр. по итогам научно-практич. конференции. – Красноярск, 2016. – С. 67-68
20. Мигович И.В. Conceptual Modeling of Emotive States (on the basis of emotive state HAPPINESS). // Ученые и учения: материалы XXII Международной научно-практической конференции в честь 50-летия проф. А.П. Рыжкова. – Горловка, 2012. – С. 102-106
21. Никитина С.Е. Семантический анализ языка науки: На материале лингвистики. – М., 2014. – 146 с.
22. Новодранова В.Ф. Когнитивный подход к изучению терминологии // Терминоведение. – М., 1997. – С. 13-14
23. Петрова Е. С. Переводоориентированный текст и метаграмматика. // Университетское переводоведение: сборник статей по материалам I Всероссийской конференции "Федоровские чтения", № 1. – СПб.: Издательство СПбГУ, 2000. – С. 133-140.
24. Прохоров Ю.Е. – Действительность. Текст. Дискурс: учеб. Пособие – М.: Флинта; Наука, 2009. – С. 23, 170
25. Реформатский А. А. Термин как член лексической системы языка. // Проблемы структурной лингвистики. – М., 1967. – С. 110–111
26. Степанов Ю.С. Язык и Метод. К современной философии языка. — М.: Языки русской культуры, 1998. – С. 676

27. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: Вопросы теории. – М., 2004. – С. 14
28. Таратынова Н.В. Лингвопрагматическая актуализация концепта "HAPPINESS" в политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2013. – 28 с.
29. Толочин И.В. «H₂O – or Water of Life?»: Об интегральной основе словесного значения. // КОНТЕХТ XXI века. Сборник статей в честь 100-летия со дня рождения проф. Н.Н. Амосовой (1911–1966). – СПб., 2012 – С. 136–141.
30. Толочин И.В., Лукьянова Е.А., Коновалова М.Н., Сорокина М.В. Учебник по лексикологии. – СПб.: Антология, 2014. – 352 с.
31. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Для институтов и факультетов иностр. языков. Учеб. пособие. – СПб., 2002. – С. 246-247
32. Фикс У. Проявляется ли культурная специфика в типах текста? Слово в защиту широкой трактовки понятия «тип текста». // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, №2. – Воронеж, 2001. – С. 101
33. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии. // Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т.1. – М., 1958. – С. 68
34. Юзефович Н.Г. Типология письменных текстов англоязычного межкультурного общения. // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, №1. – Воронеж, 2012. – С. 201
35. Ahmad Kh. Language of Engineering and the Processing of Specialist Terminology, Technical Report. – Guildford, 1994. – pp. 9-16
36. Goddard C. Semantic Analysis: A Practical Introduction. – 2nd ed. – New York: Oxford University Press, 2011. – pp. 105-112
37. Golriz A. Conceptual Construction through Contextual Modulations. A Case Study of Happiness and Happy. – Linköping, 2010. – 43.
38. Harvanek B. The functional differentiation of the standard language. A Prague School reader on esthetics, literally structure, and style. – Washington, DC: Georgetown University Press, 1964. – pp. 3–16.
39. Hyland K., Chau M.H., Handford M. and Contributors (Edited by). Corpus Applications in Applied Linguistics. – Chennai: Bloomsbury, 2013. – pp. 3-9.
40. Kilgarriff A. Inheriting polysemy. // Computational Lexical Semantics. – Cambridge, 1995. – pp. 319-335.
41. Lucy J.A. The scope of linguistic relativity. // Rethinking Linguistic Relativity. Ed. by J.J. Gumperz, S.C. Levinson. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – P. 60.

42. Ogden C.K., Richards I. A. The Meaning of Meaning. – Orlando, 1989. – p. 10
43. Pustejovsky J., Boguraev B. Lexical knowledge representation and natural language processing. // Artificial Intelligence, vol. 63. – Essex, 1993. – pp. 193-223.
44. Rundberg S. Cognitive Linguistics: The Conceptualisation of Happiness. – Lund, 2010. – 31.
45. Veenhoven R. Cross-national differences in happiness: Cultural measurement bias or effect of culture? // International Journal of Wellbeing, 2012 – 21. URL: <https://internationaljournalofwellbeing.org/index.php/ijow/article/view/98> (дата обращения: 02.11.16).

Список словарей

The American Heritage Dictionary. URL: <https://www.ahdictionary.com> (дата обращения: 05.10.16).

Merriam Webster Dictionary. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary> (дата обращения: 05.10.16).

Oxford Dictionary. URL: <http://www.oxforddictionaries.com> (дата обращения: 05.10.16).

Ссылки на источники примеров

British National Corpus. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc> (дата обращения: 05.10.15-06.05.17).

[«money-happy»] Real Madrid Present Cristiano Ronaldo. URL: <https://www.footy-boots.com/real-madrid-present-cristiano-ronaldo-7265/> (дата обращения: 06.05.17).

[«money-happy»] OPI Axxium is a danger to natural fingernails. URL: <http://www.planetfeedback.com/opi+products.../323008> (дата обращения: 06.05.17).

Rate Your Happiness. URL: <http://www.the-happy-manager.com/articles/rate-your-happiness> (дата обращения: 06.10.15).

Take the Oxford Happiness Questionnaire. URL: <http://www.theguardian.com/lifeandstyle/2014/nov/03/take-the-oxford-happiness-questionnaire> (дата обращения: 06.10.15)

World Happiness Report. URL: <http://worldhappiness.report> (дата обращения: 05.05.17)

GDP and Happiness. URL: <http://www.economicshelp.org/blog/1856/economics/gdp-and-happiness/> (дата обращения: 05.05.17)

Happiness economics. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Happiness_economics (дата обращения: 05.05.17)

Happy Planet Index. URL: <http://happyplanetindex.org/> (дата обращения: 05.05.17)

Happy City. URL: <https://thehappycitylab.com/> (дата обращения: 05.05.17)

[«happy students»] Teaching Strategies to Create Happy Students. URL: <http://www.teachhub.com/teaching-strategies-create-happy-students> (дата обращения: 04.05.17)

[«happy students»] The Happy Student: 5 Steps to Academic Fulfillment and Success. URL: <https://www.amazon.com/Happy-Student-Academic-Fulfillment-Success/dp/161448127X> (дата обращения: 04.05.17)

[«happy office»] The Happy Workplace. URL: <http://www.the-happy-manager.com/the-happy-workplace> (дата обращения: 27.10.15)

[«happy office»] Creating a happy office takes more than free lunch and a ping pong table. URL: <http://blog.crew.co/creating-a-happy-office> (дата обращения: 27.10.15)

[«happy office»] Happy Office. URL: <http://www.telegraph.co.uk/sponsored/business/sme-home/news/11896322/happy-office-productive-office.html> (дата обращения: 27.10.15)

[«happy office»] How To Run A Productive And Happy Office. URL: <http://www.lifehack.org/articles/productivity/how-run-productive-and-happy-office.html> (дата обращения: 27.10.15)

[Forcing Positive Thinking] A Harvard psychologist explains why forcing positive thinking won't make you happy. URL: https://www.washingtonpost.com/news/inspired-life/wp/2016/09/23/forcing-positive-thinking-wont-make-you-happy-says-this-harvard-psychologist/?utm_term=.f19c2c7a5301 (дата обращения: 04.05.17)

[Forced Positivity] Daily Vlogs/Forced Positivity + Being REAL. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XJX-y3Usmc0> (дата обращения: 20.02.17)